

ТЮМЕНЬ Литературная

Издается с декабря 1989г.
Цена 30 руб.
№3 (16) 1993г.

ГАЗЕТА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ



Государственная идея России поневоле впервые за сотни лет становится русской идеей, и кто бы не вошел в наш российский союз, его принципы вырабатываются ныне нами в русской России. Мы вновь очаровательно молоды. Мы вновь выбираем себе новый третий путь, не «левых», не «правых», не коммунистов, не демократов, не после петровскую имперскую Россию и не былой могущественный Советский Союз, и не потому, что нравился он нам или не нравился. Потому, что наступает новая эпоха в истории.

Эпоха национальной России!

В.Бондаренко, День, N 112.

В этом номере:

- О времени и о себе. Размышления Константина Лагунова
- О коллективе Тобольских трубопроводчиков
- Из дальних странствий возвратясь
- Стихи, проза, из редакционной почты



В.Волков. Живопись. Мокрило.

Тобольской духовной семинарии исполняется в нынешнем году 250 лет. Древняя столица Сибири в эти дни отмечает юбилей, единственного в своем роде учебного заведения в нашем крае, готовящего священнослужителей. Будет праздник, будут гости, ожидается приезд Патриарха Всея Руси Алексия II.

Семинария была открыта в 1743 году, говоря по-современному, на базе архиерейской школы, в которой с 1703 года получали образование дети из семей священников, диаконов и церковнослужителей. Школа эта была первым учебным заведением в Сибири, открытым по указу Петра I. Первоначальным устройством школы занимался митрополит Филофей (Лещинский). Просуществовав до 1742 года, школа была закрыта из-за недостатка средств.

19 февраля 1743 года, когда в Тобольск прибыл митрополит Антоний II Нарожницкий, началась история семина-

НА ПОПРИЩЕ ДУХОВНОГО СЛУЖЕНИЯ

рии. В столицу Сибири съезжаются будущие ученики, учителя, строится новое помещение, собираются книги для библиотеки. История сохранила и имя первого преподавателя семинарии, им был Василий Русанович.

В начальных классах семинарии преподаватели - фары, инфимы, грамматики и синтаксисы, где основным предметом был латинский язык - с азов до немислмого в наше время совершенства. Были в семинарии и экстра-ординарные классы: исторический, географический, математический, высшего красноречия, медицинский и др. Эти классы носили факультативный характер.

Судя по годичным ведомостям, большинство воспитанников семинарии было «нравов добрых и похвальных». Причиной отчисления, главным образом, была плохая успеваемость («за непонятием», «за тупостью понятия»), некоторым давались и такие характеристики «обнаруживает буйственную непокорность правилам и учреждениям семинарским», «ленив, груб, непокорен», «не ходит в класс по ленности».

В 19-м столетии за реформой системы светского образования преобразовывалась и духовная школа. Особое значение стали придавать письменным работам учащихся, поощрялось чтение литературы помимо учебной программы, осуждалось засилье латыни. Большое место отводилось изучению древнегреческого, немецкого, французского, древнееврейского языков. Ввели изучение и татарского языка. Реформой 14 сентября 1840 года вводилось преподавание основ медицины, сельского хозяйства, инородческих языков и иконописания.

В соответствии с новым Уставом 1867 г. усилили изучение Священного Писания, философии, математики, классических языков. Духовная школа стала вселовной. Выпускники семинарии могли продолжить обучение не только в Духовной Академии, но поступить и в светскую высшую школу.

В 1885 году при Тобольской духовной семинарии открыли Образцовую школу, где обучались дети бедных, сироты. Вскоре после революции 1917 года Тобольская духовная семинария была закрыта.

Осенью 1989 года решением Священного Синода Русской Православной Церкви после 70-летнего перерыва возрождается бытие сибирской семинарии, вновь ставшей первой и пока единственной в Сибири после революционной эпохи. На базе семинарии в Тобольской епархии открыто 200 церковных школ. Подготовлены священники для многих сотен приходов бескрайней Сибири.

Выпускники Тобольской семинарии трудились не только на поприще церковнослужения, но и в науке, литературе, на государственной службе. Историк Словоцов, писатели Абрамов и Елисеев, обер-священник армии и флота Мансветов, архиепископ Иркутский Михаил, епископ Томский Макарий, Павлов - заслуженный ординарный профессор Московского университета на кафедре церковного права, член-корреспондент Императорской Академии наук, Машанов - экстраординарный профессор Казанской Духовной Академии по кафедре арабского языка, многие другие имена выпускников, послуживших народу государства Российского.

Перед выпускниками возрожденной Тобольской семинарии - менее широкое, но не менее ответственное поприще. По всей Сибири открываются новые приходы. Люди, изголодавшиеся по духовной пище, ждут священников. После, почти векового, блуждания по ложным путям безбожного поиска истины и счастья России предстоит вернуться к живительным истокам церковности, питавшим народ на протяжении тысячи лет.

Красные дьяволы

Шел народ на баррикады.
А пролезли к власти гады.
Д.Бедный. Август 1917 г.

...По старым меркам, скажем, тех еще недавних «застойных» лет, когда мы с подъемом отмечали многочисленные юбилеи, надо бы и эти строки начать с юбилейной темой. Тюменской писательской организации, как сообщаем на первой полосе этого номера газеты, нынче тридцать лет. Для меня, для моих коллег по перу, связавших свою жизненную и творческую судьбу с организацией, конечно же, событие. Да что-то не совсем юбилейное настроение...

За окном конце августа (газета выйдет в сентябре). Вторая годовщина «пугача». Президент поздравил подконтрольный народ с «праздником». С каким еще, Господи?! С тем, что два года назад повесили на административных зданиях флаги торгового флота Российской империи, которые Невзоров в 600 секундах назвал еще владскими. С тем, что у власти укрепилось безнравственное, антинародное правительство; с нищетой большинства; с ворованным богатством новой элиты «элиты». С тем, что три парубка «на троих» предали и развалили могучее государство беловежской ночью. С тем, что нефтяной комплекс - гордость и надежда государства; орудуя дельцы всяческих фирм и структур, бастуют земельщину. Это надо же так довести до ручки крестьян-сибиряка - русского, татарина, мордвина, чуваша, немца, - чтоб в пору уборки урожая он поехал в Тюмень митинговать, требовать справедливого к себе отношения. С тем ли «праздником», когда в униженной России отменены бесплатное образование, медицинская помощь? С тем, что нас лишили - в беспределе цен! - беспрепятственно ездить в гости к родственникам, отдавать почти бесплатно у южных морей, писать письма, посылать гостинцы посылками? Сейчас это стало доступно меньшинству!

А писатель, мой собрат по перу, не может издать без благотворительной помощи (по-иностранному - спонсора) свою новую книгу. Да и книги-то сейчас некоторыми литераторами почти не пишутся...

Но по Тель-Авивскому все то же вранье! Сникеры, спикеры, вачеры, сексуально озабоченные бабенки и молодые извращенцы с петушиными прическами и дегенеративными физиономиями - у подъездов «белого дома»-93. Все те же защитники «августовской революции». Гвардия Ельцина! «Что происходит там у вас в Москве?» - звонил я своему товарищу в те августовские дни, два года назад. «Не верь никому - ни танкам, ни баррикадам, ни заявлениям «демократов», ни этой революции «с лицом Растроповича!» - отвечал мой товарищу и крал телефонную трубку.

«Тебя еще не забрали? А я жду...» - отвечал другой мой друг из Екатеринбурга.

«Моральный крах «гвардейцев августа», «Окопы у Тарка», «Стратегическая измена» - такими заголовками пестрят сегодняшние газеты. А вот заметка в «Правде» (21.8.1993):

«В Челябинской больнице скончался Юрий Липатников, руководитель Всероссийского общественно-политического объединения Русский союз, депутат Свердловского областного Совета. Как уже сообщалось, 12 августа Юрий Липатников сбит машиной, получил тяжелую черепно-мозговую травму».

Юрий Васильевич - большой патриот и организатор, пламенный и честный публицист, оратор. Был хорошо известен в России. И в патриотических кружках и в среде недругов. Недруги эти таскали его по судам, били дубинками в пикетах у останкинского телецентра, грозили расправой... Органы правопорядка, надеемся, разберутся - что же в действительности произошло: трагический случай или... Но все равно - жаль. Жалко и тех обманутых молодых ребят-москвичей, погибших в пьяной толчее у «белого дома» два года назад. И та и эта кровь на руках так называемых «демократов». Кровь национальных междоусобиц, русские беженцы, нищие старушки, развал великого государства, как его не называй - Советский Союз или Российская Империя!

Недавно вновь приехал в Тюмень и Тобольск большой патриот России, мой крестный, русский из Венесуэлы Г.Г.Волков. «Вам здесь, может быть, не очень заметно, но произошли большие изменения - за год, что я не был в России, в Сибири» - сказал Георгий Григорьевич. Да, конечно, соглашался я с гостем. Наладились связи суворовцев и нахимовцев с бывшими российскими кадетами, что живут сейчас за границей. Можно хоть каждый год приезжать в Россию, свободно разговаривать на любую тему с родственниками, друзьями. Это заслуга гласности! «Но», - сказал я Георгию Григорьевичу, - вы, русские эмигранты, очень уж обольщаетесь переменами: в России. Из-за «буфра» все видится не так, как нам, здесь живущим».

Что же опять происходит на моей Родине к концу двадцатого столетия? Грядет ли непоправимое или воспрянет народ от вековой спячки и сбросит коррумпированных бывших партийных бонз и их мизоблюдов-перевертывшей, вчерашних тайных недоброжелателей-приспосабливцев. При «застое» они были и верными ленинцами и соловьями коммунистического строя. А теперь? Теперь они - эти красные дьяволы - выдают себя за страдальцев, за борцов, хвалятся несуществующими «подвигами». Их и в Тюмени с избытком! Черное выдают за белое, белое - за черное. Один такой «страдалец», известный не только мне, повествует в печатном органе, что при застое его «выперли из аспирантуры» якобы за свободумысли. Так ли это, не так ли, но хвалиться невежеством, малограмотностью - всегда было постыдным. Хвалится!

«У русского народа интеллигенции нет» - как-то, видимо, в запале сказал известный всем Осташвидин, убитый на демократической каторге. Отчасти он прав. Интеллигенция - вина ее колоссальная! - предала Российскую империю в начале века. А нынешние? Нет ли числа: евтушенки-чернышники и прочая и прочая...

Теперь, как никогда, понятно, что возродят Россию только здоровые силы, государственники, патриоты, национально мыслящие хозяйственники, предприниматели, проснувшийся народ великой крестьянской страны.

А интеллигенция? Частью она утопила себя в вине, частью занялась накопительством, забыла о своем духовном предназначении. Необязательность, болтливость, корысть - извратили души многих.

Но есть еще бескорыстные подвижники. Есть! И на них - тоже надежда.



«Кто даст гарантию...»

Председателю Тюменского городского Совета народных депутатов С.А.Бондареву, главе администрации г.Тюмени С.И.Киричуку, членам Малого совета.

Копии в газеты: «Тюмень литературная», «Советская Россия», «Трудовая Тюмень», «Тюменская правда».

Мы, члены Совета областного общества Русской культуры, резко отрицательно относимся к попыткам отдать под руководство Рафаэля Соломоновича Гольдберга городскую газету Тюмени.

Считаем это вопросом большого социального и культурного значения.

Разве у нас в городе и области не действует закон о борьбе с коррупцией? Почему человек, которого уволили из газеты «Тюменские известия» за попытку отправить свою дочь в Израиль за счет редакции, должен стать редактором? А получение им машины по чекам Урожай-90! Почему у семейства Гольдбергов должно быть несколько автомобилей, а крестьянин, что по праву ее заработал, не может приобрести?

Мы обращаем внимание также на открывшуюся русофобию Р.Гольдберга, которая выразилась во многих статьях «Тюменских известий», общественно-политический раздел которых курировал Р.Гольдберг. Дело дошло до слушания в областном Совете народных депутатов.

Кто даст гарантию, что деньги, отпущенные на газету, не уйдут на курсы по изучению иврита или на заграничную поездку его дочери?

Мы требуем назначить на должность редактора человека верного своей земле, подлинного патриота и гуманиста, честного в мыслях и поступках.

Оставляем за собой право обратиться к сессии городского Совета и в областную прокуратуру, начать пикетирование у здания администрации.

Члены областного общества Русской культуры: Т.Гуськова, В.Золотухин, А.Беспалова, А.Репетов.

Строки:

Прочитал в вашей газете беседу за «круглым столом» (№1, 93 г.). Это как раз о том, что меня очень волнует. Я имею массу экологически чистых, принципиально новых разработок по оборудованию и по технологии в промышленности и, в частности, по сельскому хозяйству, лесной промышленности, автомобильному и железнодорожному транспорту, строительству и архитектуре. Они полностью решают проблемы, поднятые за «круглым столом». Сейчас готовлю статьи. Могут ли они заинтересовать вас? Правда, газета литературная, но ведь - писателей, а они всегда поднимали свой голос в защиту природы! Думаю, к тому же, что подобные статьи на технические темы поднимут престиж газеты и привлекут больше читателей.

Тюмень, 9, а/я 4551
С уважением... подпись неразборчива
Р.С. Есть материалы и по обустройству набережной реки Туры, по устройству пешеходного квартала и т. д. и т. п.

От редакции. Уважаемый Н.Н. Письмо Ваше привлекательно. Ждем Ваши материалы, статьи, которые «полностью решают проблемы, поднятые за «круглым столом». Присылайте. Опубликуем или передадим ученым - участникам «круглого стола». На пользу соотечественников. Ох как нынче нужны добрые дела!

...Вы не пишете о необходимости открытия русских школ в России и в «государствах» СНГ, в которых учили бы детей русскому языку, а не советскому эсперанто, русской истории, а не антирусским мифам, о нынешнем ТВ, расползшим свои бесчисленные рулетки вместо русской культуры. Вам не ведется систематическая кампания против лапсердачных антируситов - Листьева-Бронштейна, «Ворошилова», не информируете о ходе расследования лапсердачного злодеяния - убийства И.Талькова, не разоблачаете...

Севастополь, Великов А.В., Груздев С.И. - рабочие.

От редакции. Уважаемые рабочие, отчасти разделяем ваш пафос. Но нельзя же так непримиримо, так сердито! Кампании, к тому же, мы действительно никаких не ведем и не собираемся, а расследовать и разоблачать - дело компетентных органов. Наша позиция, наша цель - скромнее: содействовать духовности, единению, сохранению нравственных устоев, а с ними и - русской культуре, литературе.



В марте этого года исполнилось тридцать лет Тюменской писательской организации. Тридцать лет назад родилась она под красным знаменем большевиков, на почве социалистического реализма. Повзрослевшей бабкой у нее был областной комитет партии, а крестным - Союз писателей России. Зажурчал напевно, засверкал алмазом тюменский литературный ручеек, выливаясь в великую, могучую, всемирно прославленную реку советской литературы. Маяками да бакенными на той исполненной реке сияли, негасимо имени Маяковского и Шолохова, Николая Островского и Есенина, Горького и Твардовского. Те, первые шесть профес-

мужество и честность, верность родине, долгу, присяге. Вижу... Вижу перекошенные лица реформаторов-ниспровергателей, от натури и злости хрипят их демократические гора. Размахивая кулаками, они вопят, что советская литература слава лишь тем, что облизывала пятки да зады партийным боссам и олигархам, прославляя, утверждая, возмечивая любую их глупость либо подлость... И эту красную карту легко покрыть. Вспомним хотя бы «Тихий дождь» да «Судьбу человека» - Шолохова, «За далью даль» да «Василия Теркина» - Твардовского, «Прощай Гольсарья» и «Белый пароход» - Чингиза Айтматова, «Мертвым не больно» и «Крутянский мост» - Василия Быкова, и еще многие, многие другие произведения советских писателей, почтissime и читаемые по всем миру... Так что, господа ниспровергатели (доморощенные и закордонные), не тешитесь понапрасну превратить великую советскую литературу в макулатуру - не по силам задачка, неровен час с пушки сорвете да скоптитесь... Время рождения нашей писательской организации было окрашено в красный цвет. Это было время отречения от всего недоброго и злого, что накопилось в нашей жизни со времен Октябрьского переворота. Для нас, тюменцев, это время было подсвечено огнями таежных буровых да первыми газовыми факелами: тогда только-только затрещала зоря тюменского нефтяного исполнения, и каждый, взошедший пером, повинуясь своим святым долгом помочь партии и народу поскорее выдернуть из вечной мерзлоты и таежных болот сибирского нефтяного Муромца, поставит его покрепче на ноги и сделать все возможное, чтоб рос да мужал великан не по дням - по часам. Своим «в доску» считали геологи Заполярья очеркиста Евгения Ананьева

Константин Лагунов,
ответственный секретарь писательской организации
с 1963 по 1983 г.

Два цвета

сациональных писателей Тюмени, слыхавшая в единую организацию, добровольно и осознанно становилась в первые ряды идеологических бойцов партии за прекрасные, нетленные идеалы коммунизма... Вижу скислившиеся, покривленные, негодующие лица ненавистников всего красного, ниспровергателей всего коммунистического, большевистского; слышу гневные возгласы о всевластии и беспределе партократии, о золоте партии, о культах Сталина и самодурстве Хрущева и тому подобные злобыне, хотя и справедливые упреки бывших вождей КПСС и их приближенных. Все это читано и слышано миллионами раз. Но... Приторозным эмоциями. Взнуздаем страсти и пристрастия. Двинем на первый план разум. Оглянемся и поразмыслим, порассуждаем... Мало ли стучачей, мздоимцев, распутников, фарисеев и прочей нечисти было, есть и вовеки пребывает среди священнослужителей всех мастей и рангов. Но разве это хоть как-то дискредитирует саму религию?.. приписывает авторитет и величие Бога?.. умаляет значимость и силу заповедей Христа?.. Нет! Нет! И еще раз - нет! Почему же тогда дикий террор Ленина, жестокость Сталина, предательское двурушничество Горбачева должны порочить идеалы коммунизма, опозорять и ниспровергать вековую мечту всех народов мира о построении общества всеобщей свободы, братства и равенства, на знаменах которого было бы начертано: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям»? Коммунистические заветы и идеалы расходятся с Заповедями Христа лишь в одном - в отношении к Богу. Просветите рентгеном, пропустите через ЭВМ все книги, созданные советскими писателями за все семьдесят пять лет Советской власти, вы не отыщите в них ни призывов к насилию, ни пропаганды жестокости, ни воспевания животных инстинктов - ничего, противоречащего общечеловеческим, христианским заповедям. В своих романах, поэмах, драмах советские писатели славили правду и добро,

(Шермана), придумали ему любовное прозвище «железный буровик», и с благодарностью читали его статьи и очерки о неслетком, героическом, прекрасном труде геологов, о их редкой дружбе, непоказном мужестве, беспредельной доброте. Геологический «запах» Шермана подхватили писатели более молодого поколения: на газетных и журнальных страницах стали все чаще появляться стихи геолога-поэта Виктора Козлова, рассказы и повести геолога-прозника Геннадия Сазонова, песни Зота Тоболькина. Двадцатипятилетний поэт Владимир Нечволод был руселем на нефтеналивной барже, которая первой повезла из Усть-Балыка живую тюменскую нефть на Омский нефтеперерабатывающий завод. Циклом стихов о нефтяниках и речниках-нефтевозах завершилась эта одиссея Нечволода. С тех первых рейсов на нефтеналивной и до конца своей жизни Владимир Алексеевич Нечволод оставался поэтическим летописцем великого подвига советского народа, в небывало короткий срок, в тяжелейших природных условиях превратившего глухотомный заболоченный край в нефтяную жемчужину страны Советов. Едва появились на геологической карте еще мало кому известный Самотор, а в Нижневартовске уже поселились молодые поэты Николай Денисов, Анатолий Кукаркин, Булат Сулейманов, Николай Шамсутдинов, зачастили туда прозилки Николай Смирнов, Раиса Лыкова, Маргарита Анисимкова, Зот Тоболькин. Валом повалили произведения: всех жанров о жизни тюменских нефтяников: буровиков и вышкомонтажников, промысловиков и ученых, строителей и работников сфер обслуживания. Стихотворения и поэмы. Повести и романы. Киносценарии и пьесы. Очерки и статьи... Без перебора можно утверждать: скорой всемирной славы своей и заслуженной популярностью первопроходцы нашего Севера обязаны прежде всего тюменским писателям; которые разнесли по свету благу весть о героических делах, о великих трудовых подвигах, о мужестве и величии «покорителей сибирской нефтяной целины».

СИЛЫ МРАКА И СВЕТА

(О романе Александра Мищенко «Большая охота»)

Место действия романа - тюменский север, Среднее Приобье, охотничьи тропы в тайге, железная площадка буровой, сверлящей земные недра, в вертолетном небе, в небольшой деревушке, приткнувшейся к берегу реки Атымки, где проживает главный герой романа - охотник и поэт Неро Айвасево.

О тюменском севере, о геологах, о нефтяниках написано немало книг, к примеру, романы Лагунова, Тоболкина, Поволлова.

Нет необходимости говорить о достоинствах этих книг. Они останутся свидетельством и отражением событий действительно глобального значения, что происходило на тюменщине с открытием нефти и газа.

«Жми, давай! Любуй ценной! Любуй потерями - моральными, нравственными, экологическими!» Такова была установка тех лет. Продолжается это и ныне. С еще большим трагизмом и тревогой за все живущее на этой земле...

Александра Мищенко знает тюменский север не только по корреспондентским наездам. Он работал в геологических партиях, на буровых, исходил немало таежных троп вместе с профессиональными охотниками и охотоведами. Потому достоверными по предметной изобразительности воспринимаются страницы романа.

«Большую охоту» необходимо читать пристально, поскольку в романе почти отсутствует привычная нашему «романному» восприятию, сюжетная линия, весь драматизм переживания главного героя Неро и других проецируется на философские размышления, на широкий охват других пластов современной жизни, уволкнув читателя то в Приамурскую тайгу, то в Москву, где заочно учится в институте Неро, то в произведениях классиков мировой литературы, то в космические пространства, которые стерегут языческие божества, и донные сохранившиеся не только в фольклоре северных народов, но и составляющие часть их быта.

Через образ Неро - охотника и поэта, а он предстает в романе не заштатным охотником-таежником, а человеком интеллектуальным, мыслителем, на много выше в своем развитии сородичей, автор приводит свою концепцию, составляющую основную болевую тему романа: отношения человека с живой природой, отношения человека с человеком в современном трагическом мире.

Беками жизни на этой суровой и прекрасной земле северные народы - ненцы, ханты, манси. Каждая веточка березки, медокожые сосны и кедр, блюда озер, протоки и реки они обожествляли, как воплощение живой Природы, которой они и поклонялись, как даруемыми Верховными божествами. Звери, птицы были им, как бы единокровными братьями и сестрами. И из поколения в поколение передавалась эта высокая мораль и нравственность ко всему окружающему. Таковы хранители народных ценностей - бабушка и дедушка Неро, другие сородичи из маленькой деревушки. Всю эту мудрость жизни с детских лет впитал в себя молодой охотник, потому так остро переживает он разор на родной земле, который принесли с собой первопроходцы-нефтяники. Грабят без зазрения совести

охотничьи избушки, где всегда оставляли ненцы необходимые припасы для страждущего в тайге, заливают нефтью озера, рубят священные кедры, охотятся с вертолетов за сохатыми, за оленьими стадами. Спаивают народ.

Так было, так есть. И писатель нисколько не драматизирует обстановку в северных краях. Да только ли на севере! Мысли его простираются и в планетарном масштабе. И публицистические строки подкрепляются художественными описаниями и изобразительными средствами.

«Умирает со стариками поэзия жизни, - поднял голову Неро. - Есть в нашем северном эпосе героическое сказание о музыканте забытых песен и позабытых народом богатых Вазе. В нем пророчествовал, знаешь ли, старый шаман, что вымрут народы Югры, лодки их сплывут на песках, нарты без оленей позарастают травой, а в опустевших стойбищах будут бродить лишь одни звери. Жутковато, да? Я не хочу, чтоб сбылось это пророчество, чтоб югорская поэзия вымерла, дымом стала, как эта бересточка... И записываю я все, что удается! Когда учился, вставал на ноги, - брал в долг у народа. Теперь отдавать надо...»

Совестливая, творческая натура охотника-ненца укрепляет и душу другого героя романа - буровика Никиты Долганова. В их долгих разговорах на охотничьих тропах и таежной избушке, за чаем, Никита с удивлением и радостью вслушивается в философские рассуждения ненца и уже по иному начинает размышлять о своем нефтяном деле, об аморальных начальниках своих, которым главное - взять, урвать от Земли, от Природы, а там, как говорится, хоть трава не расти...

Образ лосля Белозвезда в романе, который был когда-то вскормлен грудью матери Неро, несет в себе интересный метафорический смысл. Раненого браконьером с вертолета брата-сохатого красавца долго преследует охотник, чтобы добить, избавить его от мучений. Такова этика таежников. Но и убитый брат-сохатый, до последней страницы романа, не оставляет Неро. Следуя притчевости повествования, он является охотнику во сне, разговаривает человеческим голосом, являя тем самым неизбывную трагичность живой и мертвой жизни: «Ты слышишь меня, брат мой Неро? Пребывай в мире с самим собой! Это злитные семена земной этики. Ими засевайте пашню жизни и в космосе. Не возжаждет тогда питья корысть, как цапля болыная, не распоздается от боли сферический горизонт над Землей, не задмытится в миллион орбит небо над мировой общиной людей, не забурест оно до цвета протухшего мяса. И восстанет из камня растение, из растения - зверь, из зверя - человек, из человека - демон, из демона - бог».

«Живи долго, долго-о!» - в последний раз крикнул брат человека - зверь. Дитя Природы.

Ф.Иллере.



ФОТОВЗГЛЯД



Произведения писателей-тюменцев привлекли внимание всей советской общественности, в том числе, и отечественной литературы. На пленуме писателей СССР с рассказом о делах и людях тюменской Тюмени выступал первый секретарь Тюменского обкома партии Б.Е.Щербина. В Тюмень съезжались мастера пера из Москвы и Киева, Ленинграда и Минска, и иных городов страны. А в 1970 году прошли первые Дни советской литературы в Тюмени.

Дни Советской литературы - незабываемый, прекрасный, ярчайший праздник души, торжество духовности, ликование прекрасного. Вся область превращалась в испоминский литературный салон. На буровых и в заводских цехах, на животноводческих фермах и выпасах, в клубах и дворах культуры - всюду проходили встречи с известными писателями, проводились поэтические вечера, читательские конференции, заседания литобъединений. Центральные и областные газеты, радио и телевидение в течение десяти дней рассказывали о Днях советской литературы на земле Тюменской, печатали и передавали стили, интервью с участниками Дней. А среди них, кроме популярных писателей всех братских республик Советского Союза, присутствовали и посланцы всех стран социалистического содружества.

Ах, каким нарядным, жизнеутрачившим и незабываемым был этот праздник. С легкой руки тюменцев Дни советской литературы, как и Всесоюзные творческие конференции писателей, стали проводиться во многих областях и союзных республиках. Скажу прямо: без разносторонней, активной, командной помощи областного комитета партии и правления Союза писателей СССР нам никогда бы не справиться с такими мероприятиями, как Дни литературы, Недели поэзии, Всесоюзные творческие конференции, которые принесли областной писательской организации всесоюзную известность и огромный общественный авторитет.

То время нарекли застойным. Да, таким оно и было, если судить по делам правящей верхушки партии и страны, по результатам экономического и социального развития советского общества. Но то, что происходило в те годы в нашей области, никак не называлось застоем. Открывались все новые месторождения нефти и газа. Поднимались промыслы, поселки и города,

народа, государства. Они жили не ради рублей, наград, громкой славы, ради того, чтоб богаче и могучей была наша великая Родина. И когда наши тугоголовые правители загнали нефтяную Сибирь в петлю, покатались с горушки нефтедобычи, и продажная пресса принялась хулить да хаять вчерашних героев-первопроходцев, наши писатели остались с теми, кто продолжал добывать тюменскую нефть и тюменский газ.

Да, то время - время становления и мужания нашей писательской организации было окрашено в красный цвет. Оно было красным от идеалов и идей, владевших обществом; от флатов и знамен, призывов и лозунгов; от красных звездочек октябрий, пионерских галстуков и комсомольских значков. Не идеализируя то время, зная все негативное о нем, скажу что в нем куда вольготней, чем теперь, жилось и творилось, дышалось и думалось, потому, как каждый чувствовал себя гражданином великой державы, которой все по силам, все по плечу...

Шесть лет понадобилось Горбачеву с командой мотыльчиков России чтобы перекрасить нашу действительность в черный цвет анархии, всеобщего разложения и распада. Нет великого Советского Союза. На коленях, в пыли, поруганная и оплеванная Россия тянет нищенскую руку к тем, по чьей команде, на чьи доллары, во имя чьих корыстных интересов и превратил Горбачев Союз Советских Социалистических Республик в задворки ликующей Америки.

Оплевана наша История. Разгромлена экономика. Поругано государство. Гибнет непобедимая, несокрушимая Красная Армия. Продажные ловкачи-трюкачи добивают отечественную культуру. Разрушены творческие Союзы. Ликвидировано государственное книгоиздательство и книготорговля. Книжные прилавки, кино- и телескрены завалены «произведениями», воспевующими низменные страстишки, звериную жестокость, всевозможные паталогические извращения. И книги, и фильмы, в основном, все того же американского производства. Оттуда же, из-за океана, хлещет к нам так называемая «современная музыка», откуда ползут в Россию всевозможные проповедники, растлители юных душ.

Трудно, невыносимо трудно живется в этой черноте нашей писатель-



ской организации. Ну, во-первых, она раскололась: писатели национальных округов создали свою организацию. Убежден, кроме ослабления сил, подрыва авторитета и мощи, эта раздвинувшаяся акция ничего не принесла.

Ни книжного издательства, ни литературного журнала или альманаха в нашей великой области нет. Прежде издававшее нас Средне-Уральское книжное издательство поворотилось к тюменским писателям спиной. Чтобы издать там, скажем, роман, надо заплатить издателем 17-20 миллионов рублей. Местные газеты, радио, телевидение оплачивают писательские выступления так, что на них не купишь и килограмма колбасы.

Ну, а местные Советские Администрации? Всевозможные фонды? Зачем им писатели? В них понимают писателя - существо чужеродное, крикливое, существующее, куда не следует. Один областной руководитель, выслушав мои сетования на положение писателя, изрек:

- Нельзя прожить литературным трудом - открывайте свои магазины, идите сторожами, водителями такси, а в свободное от работы время сочиняйте свои романы...

- Сочинение - это труд. Напряженный. Непрестанный. Долгий. Требующий огромные затраты умственной и нервной энергии. Чтобы написать роман...

- Роман - не бензин, - перебил меня высокопоставленный демократ, и засмеялся, довольный своим остроумием.

Да, конечно, роман - не бензин, не соларка, но и человек - не автомобиль, и жив человек не хлебом единым. Душа его требует постоянно духовной пищи, и когда нет для души пищи качественной, облагораживающей, возвышающей, помогающей отличить Добро от Зла и мешающей вершить это зло, тогда голодная душа набрасывается на любую пищу. Дурная духовная пища, в отличие от пищи телесной, не имеет, к сожалению, ни дурного вкуса, ни отвратительного запаха. Потому-то и

скотству, садизму, пещерным нравам. Потому и «глохает, не жуя», порнопошлятину, толкающую человека назад - к обезьяне. На этих духовных корешках и расцвела преступность, набирают силу неуправляемые рассудком и чувствами законы джунглей.

Гнетущий духовный мрак все плотней окутывает нашу Россию. В этой черноте невыносимо трудно любому творцу, в том числе и писателю. Кто-то, не выдержав, домается и запишет горькую. Кто-то, махнув рукой на неоконченные рукописи, пристраивается где-нибудь да как-нибудь, лишь бы подзаработать на хлеб насущный. Почти прекратился приток молодых свежих сил в литературу.

Странно все это, смешно и горько. Тюмень - богатейшая область страны. На показуху, на всевозможные фестивали и пышные презентации находят десятки, сотни миллионов рублей, а на содержание четырехразового литературного альманаха у этого нефте-газового гиганта нет средств!

Но и в этой удушливой, мрачной атмосфере откровенного пренебрежения к писательскому труду и постоянного унижения писателя, областная писательская организация живет. Пусть и мизерными тиражами, на газетной бумаге, в непотребном полиграфическом исполнении, но все-таки выходят новые книги прозаиков и поэтов земли Тюменской. С нежелательными паузами, но все-таки выходит наша газета «Тюмень литературная». Находятся меценаты и спонсоры, помогающие издавать книги наших писателей.

Писатели края не сложили свое оружие. Они не раскисли. Не отчаялись.

Мы верим в непоколебимую, неистребимую мощь России - в неиссякаемую силу ее духа.

Мы верим в могучий разум и нравственную чистоту своего народа. Не за горами день, когда рабочие, крестьяне, интеллигенция вновь сойдется, сплотится в неистребимую силу, стряхнут с плеч своих самозванцев-перевертышей, возродят былые величие России, и снова станет она для всех землянам светочем мудрости, доброты, нравственной немалости.

Мы не только верим в это, но и делаем все возможное и от нас зависящее, чтобы приблизить день еще одной великой победы Добра над Злом...

ВРЕМЕНИ

прокладывались новые железные и бетонные дороги, на многие тысячи километров протягивались стальные артерии трубопроводов и линии высоковольтных передач. Люди работали, как воины - на полный износ, не щадя себя, не подучая и тысячной доли их богатств, которыми так щедро и безоглядно одаривала Отечество нефтяная и газовая Тюмень.

Доброе, крайне важное и нужное дело на глазах превращалось в хищническое разграбление, потребление прекрасной и щедрой сибирской природы. И первыми начали борьбу с этим бесстыдным варварством писатели Тюмени.

Литература - человековедение. Главный и единственный предмет писательского исследования - человек. Вот о человеке на тюменском севере, о нуждах, болях и бедах геологов, нефтяников, газовиков и строителей первыми заботились писатели-тюменцы. Уже в 1966 году, в журнале «Новый мир» появился, наделавший много шума, очерк «Нефть и люди», в котором было отрицательно оценено навязанное нефтяникам ускорение нефтедобычи, осуждена шапкозакладческая позиция карьеристов-временщиков, которые не щадили ни людей, ни природы, спешили поскорей да побольше «равнать» сибирской нефти. Чем отчетливее проявлялась эта тенденция, всеячески поощряемая партийно-правительственной «верхушкой», тем чаще, смелее, резче и громче подавали свой голос протеста мои товарищи по оружию.

Сперва это были статьи и очерки Любови Заворотчевой, Юрия Афанасьева, Николая Смирнова; потом появились повести Гансы Лыковой и Еремья Айлина, пьесы Зота Тоболкина; и, наконец, затворила «тяжелая артиллерия» - в разных издательствах страны стали выходить романы тюменцев о людях нефтяного и газового севера.

Нет, мы не меняли своего отношения к тем, кто искал и добывал нефть и газ, кто строил дороги, города, промыслы, аэродромы, кто обживал суровый край. Мы по-прежнему гордились и восхищались ими, их одержимостью в деле, их умению подчинять собственные интересы интересам общества,

✿ Стихи из конверта

Олег СОРОКИН

Два чувства дивных близки нам.
В них обретает сердце пишу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека
И все величие его.

А.С.Пушкин

х х х

О старина, святая слава!
Забывший хмель былых кровей!
Какою сладкою отравой
Ты русских поишь сыновей?
Зачем тревожат нас могилы?
Какая смутная нужда
Нам вспоминать про то, что было
И отшумело навсегда?
Кивают русские березы
И небо русское цветет.
Но ищет, ищет взор сквозь слезы,
И Русь, как мать, не узнает.
Я сердцем спрашиваю робко,
В преданья давние гляжусь:
Каким путем, какую тропкой
Найти тебя, седая Русь?
И по каким приметам звездным
К тебе направить мне шаги?
Прости, твой сын родился поздно.
Тебя увидеть - помоги!
Я вижу ясно с изначала
И даль днепровских берегов,
И зыбь ильменского причала,
И капища лесных богов.

Тут был ваш мир, мои славяне,
Тут Русь брала свои ключи -
Древяные ль вы, или поляне,
Дряговичи ли, кривичи.
Когда душа в когтистых лапах,
Когда душой я нездоров,
Мне снится дымный, сладкий запах
Давно угаснувших костров.
У них мои ладони грелись,
И Русью древнею маня,
Дубрав таинственная прелесть
Водила в дальнее меня.

О, Пушкин! Боль моя и гордость!
Мы смоем грязь своей вины!
Мы живы, хоть пока и стобрясь,
Отчизны верные сыны!
И спи спокойно - мы клянемся
Все, что имели, сохранить!
Мы обернемся, мы очнемся -
И свяжем порванную нить!

х х х

Ах, все кружатся, все кружатся
хлопья белые, как сны.
Замерзая в синей лужице,
холодеет лик луны.

И в обнимку с одиночеством
я брожу, как по луне.
И с тобою так мне хочется
повстречаться, хоть во сне.

х х х

Памяти Ива Монтана

Голова моя солнцем полна!
Тают сумерок серые тени.
На далекой и солнечной Сене
затерялась навеки луна.
Голова моя солнцем полна!

Сны белые, как сумерки, тают,
и звенит, затихая струна,
сниется сказкой чужая страна,
и, как каша вина золотая,
голова моя солнцем полна!

х х х

Брату Льву

На Бородинском поле
Дозволь заметить, Лев Григорыч.
Хоть Бонапарт велик по праву,
но у меня на сердце горечь
за нашу девовскую славу.
Пусть их приходят легионы,
монголов, немцев, иль французов,
на каждого Наполеона
найдется хоть один Кутузов!

г.Москва

«Завтра будет поздно...»

С любовью к природе

Сибирская фауна богата разнообразными птицами. Здесь гнездятся очень редкие виды - краснозобая и чернозобая казарки, аисты, журавли и лебеди, гуси, много цаек, уток, куликов, в том числе занесенных в Красную книгу. Залетает к нам даже фламинго - птица-сказка. Из орлов встречаются - степные, орланы-белохвосты, могильники. Хищники поменьше - балобай, степная пустельга, коршуны, совы, соколы, ястребы, сычи, дули, канюки, котички...

Известно, что охотники добывают глухарей, тетеревов-касаечей, рябчиков, урупаток. Но сегодня я хочу остановиться на певчих птицах, что обитают в нашем крае.

Соловьи в майских рощах! Большое наслаждение слушать их виртуозные колена. А ведь у доброго соловья их до двадцати и более. В парках и садах поют славики и пеночки, синицы и овсянки. Вдоль рек исполняют арии грациозные варакушки с голубыми грудками. Высоко в небе, над полями, парят и поют неутомимые жаворонки. Раньше жаворонки гнездились у окраин Тюмени, а соловьи пели в самом центре города. Но теперь это редкое явление. Но в борах еще выводят мелодии певчие дрозды. Само слово певчие - говорит о многом! Оживляют наши просторы не только эти первоклассные певцы, но и зяблики, зеленушки, щеглы, лесные коньки, чечевицы, завирушки, конопляники.

на злобу дня

Афишами «Добрая Весть» с июля заласана вся Тюмень. С 6 августа по 11 сентября американский евангелист Дел Гаула, прибывший по приглашению тюменских адвентистов Седьмого Дня, читает лекции и проповеди (?) в ДК «Строитель». Так незаметно, в порядке благотворительности, западные миссионеры раскидывают свои сети на тех, отцы и деды которых испокон веку были православными и мусульманами. А позже, как это было на Украине, активность таких миссионеров резко возрастает в ходе уличных митингов и столкновений.

В радиопередаче из Лондона, 30 марта по «Маяку», американские евангелисты поделились планами о том, как сокрушить в России православие, ислам и другие традиционные российские конфессии. В течение пяти ближайших лет они готовы заставить в страны СНГ 200 тысяч миссионеров (против 11 тысяч православных и 5 тысяч мусульманских), которые откроют 200 тысяч приходов. По их замыслу к каждой средней школе в будущем будет прикреплен евангелистский миссионер.

Причем прозелитизм, т. е. склонение к переходу в свою религиозную конфессию, на словах, осуждается иерархией католической, протестантской и других церквей. На деле же западные правительства используют миссионеров для внедрения своей идеологии и политики в странах «третьего мира».

Эпоха воинствующего атеизма окончательно и бесповоротно канула в Лету. Слишком много накопилось явлений, выходящих за рамки физики, объяснить которые атеисты не в силах. Людей мыслящих больше не удовлетворяет постулат о первичности материи. Ко всему прочему, его сторонники, крушившие кресты с белокаменных, сели в лужу с 72-летним экспериментом над Россией. Все это быстро сообразили на Западе. И, на первый взгляд, кажется, что треск атеизма в России там был услышан раньше, чем в матушке-Церкви православной. Каждый день в православные храмы идет и идет люд и мы, по праву, говорим о втором крещении Руси. Но кого же больше видим и чаще слышим в повседневной жизни? Евангелистов, протестантов, кришнаитов. Все возможные протестантские секты стали расти, как грибы за счет

Большинство этих птиц прилетают к нам весной, а в конце лета, или осенью откочевывают южнее, улетают в страны Африки, Америки, Пакистан, Индию. Но вот настала зима: остались самые выносливые и преданные птицы. Пойдешь на окраину города, а там, на пустырях и в оврагах поют красавицы щеглы. Это надо же, удивляешься, такой мороз, а им все нипочем! Поклевали семян лопуха, сели на ивы и ну насвистывать! Зайдешь в лес в ясный морозный день, а там в ветках еле слышно, как поют, потрескивая, клесты.

Приглядевшись, видишь красных причудливых птиц, ну чем, думаешь, не сибирские попутан! Нашелушили словых шишек, выщелкали из них семечки, а теперь, отдыхая в солнечный день, можно и попеть. И на рябине, что за флейта раздастся? Да это же стайка шуров - розовые и желто-зеленые! - ну чем не экзотические птицы! Им помогают терпеть рябину свистулы - сохоломки (в детстве мы их звали петушками) и снегиря - красные самцы и коричневые самочки. А там, в поле, бывают и летают пуночки - белые как снег! - сразу их и не увидишь. В зарослях крапивы и полыни вместе с чечетками летают длиннохвостые снегиря, а правильно назвать - урагусы.

При виде этих стройных рядных птичек сразу вспоминаю международную выставку в Чехословакии, где именно за урагуса я удостоился главного приза выставки - золотой медали, грамоты и диплома. А за щеглат, наших сибирских, мне дали большого красивых попуган - пестрых розелл. За осянок - немецких кенаров - роллеров с особым напеом. На Западе за наших редких птиц, кстати, платят большие деньги. Потому, вероятно, в погоне за наживой браконьеры, наши местные и заезжие, не останавливаются ни перед чем, рады выловить наших певчих птиц всех до единой...

Пострадали наши просторы не только от браконьеров, от химиков, от лесных пожаров, варварского «освоения» Севера. Мало остается птиц, а те, что выжили в этом крошечном аду, и становятся добычей браконьеров.

Не могу не говорить об этом. Завтра, может, будет поздно! Мои дети и внуки не увидят то, что видел я, мои родители, деды, прадеды.

Меня спросят, а какое отношение имеет «Тюмень литературная» к птицам? Самое прямое. Многие писатели были знатоками птиц. Это Тургенев, Пришвин, Аксаков, Горький... Поэты и композиторы черпали вдохновение в птичьих пении. И думаю, что еще очень многие почерпнут вдохновение и создадут свои шедевры.

Меня упрекут: а где ты был раньше? Я и раньше боролся с браконьерами и хапугами. Будучи первым председателем клуба певчих и декоративных птиц в Тюмени, выдворял таких хапуг из клуба. К сожалению, клуб нынче почти развалился. Ушли энтузиасты, а те, кто остался в клубе, зачастую прикрываются им, чтоб вершить свои браконьерские делишки.

В свое время мы устраивали рейды на рынки, где торгуют птицами, браконьеры нас побаивались. Обращаясь я и к председателю областного комитета охраны природы Хадошкину И.С., говорил ему о том, что наших редких птиц крупными партиями вывозят на Запад. Не помогло! Обращался в милицию. Но там отвечали, что знают толк в борьбе с теми, кто стреляет лесей, а «в птичках не разбираются»...

Россия поднимается, восстанавливается, я уверен, но ни за какие деньги мы не купим погубленные леса и рощи, тайгу, в конце концов.

Христос сказал: кто толщину, если ты приобретешь весь мир, а душе своей навредишь, какой выкуп даст человек за душу свою?

Александр Зырянов

«Опустошай опустошенное?..»

в их в храме и читает проповеди, и какие угодно устраивает служения. Хотя даже это было бы некорректно с его стороны. Не убоится он Верховный Совет России. 14 июля принята поправка к вышеупомянутому Закону, по которой деятельность иноземных миссионеров разрешается только по лицензиям. С момента опубликования она вступает в силу. Знать это и продолжать? Прескверно, господин Дейл! В гостях так себя не ведут. На первой же проповеди со словами было сказано буквально следующее: «Доброй Вестью поделится Господь с тобой: Россия станет страной открытой для евангелизации». И что это за Бог у вас такой? Колонизаторскими замашками? Спите и видите что ли, как в чужой стране в свои сети людей заманивать! И законы Верховного Совета не уважаете - прячетесь за президента. А это вторая причина неравенства условий;

2. Власть президента фактически не на стороне традиционных религий русского народа, а на стороне религий иноземных. Внешне, вроде бы, это не так: президент в православном храме подает свечку, радио России проповеди каждый день читает. Но на деле - то поправки к Закону президентом до сих пор не подписаны, поэтому прозелиты и чувствуют себя за спиной президента спокойно на Русской земле.

Вот что пишет автор поправки, председатель комитета Верховного Совета по свободе Совести и связям с общественными, религиозными и благотворительными организациями, Вячеслав Полосин: «Все сфокусировалось в этом вопросе, в императиве предельной простоты предстоящего решения. Президент либо должен выбрать собственный народ, его традиции, жизненный уклад, его интересы, либо уступить шантажу политиков из-за рубежа. Выбор очень символический и, я бы сказал, - сакральный». Он же «запад оказывает на Б.Ельцина по этому вопросу огромное давление: наряду с другими государственными и политическими деятелями президент США Б.Клинтон, канцлер Германии Г.Коль лично обратились к президенту России с тем, чтобы он не подписывал этот законодательный акт». Из обращения группы американских конгрессменов Ельцину: поправка «жес-

когого, между прочим, потенциально православного и мусульманского населения. Только в двух сибирских областях количество протестантских прихожан уже превысило число православных. В России налажено вещание евангелистских радиостанций, издается масса журналов и газет.

Кто же попадает в их сети? Кто б они ни были - это прежде всего - гордецы. Гордыня - тяжкий грех, и за него спросит Бог. Для себя такой человек ищет чего-то особенного. Что, мол, в Церковь идти - туда все идут, а мне вот здесь интереснее. А уж насчет интересности и необычности - выбор на любой вкус: Бог полшутейный, Бог сверхчеловеческий. В евангелистской Церкви «Свет Миру» можно, например, весело попрыгать под элект-

рогитатуру с Библией в руке; став кришнаитом, с женой спать пореже-тоже, может кого-то привлекает. И везде встретят и приветят, и ты - уже свой, и как бы при Боге. А на деле - одной ногой прямехонько у Лукавого. И думать забыл, а как же Справедливый и Всемилостивейший посмотрит на гордеца, предавшего Веру своих предков, перешагнувшего через могучие корни древа народных традиций и культуры, чтобы расти рядом чахлой порослью иноземной экзотики, до конца не осмысленной, зато оригинальной, и ловить лучики света из-под его прямой, обращенной к солнцу кроны. Что же они полагают: их Новый Бог с них начался? От предательства не откупиться ни десятиной, собираемой в Церкви «Свет Миру», ни издевательством над собственной плотью у кришнаитов. Наш Бог - вечен. Это - гармония мира большого, как Космос, и - внутреннего, традиционно православного и мусульманского, гармония жизни русского народа всех времен. Он ждет заблудших детей своих терпеливо и радостно, и готов наделить Благостью всякого, соединяя настоящее с историческим прошлым его народа, указывая Будущее и жизнь вечную.

А теперь я поставлю очень странный вопрос: в равных ли условиях находится Церковь православная (у себя дома) и культуры иноземные, относительно этого бывшего атеиста? И видим, условия не равны:

1. Чужеродные конфессии сплошь и рядом нарушают Закон «О свободе вероисповеда-

ния». А ну-ка, начини наш православный священник, или мулла, читать проповеди у гастронома или проводить обряды в неогороженном месте, например, - в ДК «Геолог», - тут же запретят. Зато проповеди со славадами у американского Дейла Гаула идут там ежедневно. Он и сам их называет именно проповедями, и в раздаваемых приглашениях указано: «Прослушав серию лекций и проповедей...»

А дальше, куда идти - ДК «Геолог». И на полотнищах по всему городу читается: «Добрая Весть». Евангельские служения ДК «Геолог». А это - нарушение статьи 22 Закона «О свободе вероисповедания», по которой служения и проповеди в публичном месте запрещены. Но что не законно для православных и мусульман почему-то можно евангелисту!

Авдентисты пригласили его - пусть у них в храме и читает проповеди, и какие угодно устраивает служения. Хотя даже это было бы некорректно с его стороны. Не убоится он Верховный Совет России. 14 июля принята поправка к вышеупомянутому Закону, по которой деятельность иноземных миссионеров разрешается только по лицензиям. С момента опубликования она вступает в силу. Знать это и продолжать? Прескверно, господин Дейл! В гостях так себя не ведут. На первой же проповеди со словами было сказано буквально следующее: «Доброй Вестью поделится Господь с тобой: Россия станет страной открытой для евангелизации». И что это за Бог у вас такой? Колонизаторскими замашками? Спите и видите что ли, как в чужой стране в свои сети людей заманивать! И законы Верховного Совета не уважаете - прячетесь за президента. А это вторая причина неравенства условий;

2. Власть президента фактически не на стороне традиционных религий русского народа, а на стороне религий иноземных. Внешне, вроде бы, это не так: президент в православном храме подает свечку, радио России проповеди каждый день читает. Но на деле - то поправки к Закону президентом до сих пор не подписаны, поэтому прозелиты и чувствуют себя за спиной президента спокойно на Русской земле.

Вот что пишет автор поправки, председатель комитета Верховного Совета по свободе Совести и связям с общественными, религиозными и благотворитель-

ными организациями, Вячеслав Полосин: «Все сфокусировалось в этом вопросе, в императиве предельной простоты предстоящего решения. Президент либо должен выбрать собственный народ, его традиции, жизненный уклад, его интересы, либо уступить шантажу политиков из-за рубежа. Выбор очень символический и, я бы сказал, - сакральный». Он же «запад оказывает на Б.Ельцина по этому вопросу огромное давление: наряду с другими государственными и политическими деятелями президент США Б.Клинтон, канцлер Германии Г.Коль лично обратились к президенту России с тем, чтобы он не подписывал этот законодательный акт». Из обращения группы американских конгрессменов Ельцину: поправка «жес-

ткими организациями, Вячеслав Полосин: «Все сфокусировалось в этом вопросе, в императиве предельной простоты предстоящего решения. Президент либо должен выбрать собственный народ, его традиции, жизненный уклад, его интересы, либо уступить шантажу политиков из-за рубежа. Выбор очень символический и, я бы сказал, - сакральный». Он же «запад оказывает на Б.Ельцина по этому вопросу огромное давление: наряду с другими государственными и политическими деятелями президент США Б.Клинтон, канцлер Германии Г.Коль лично обратились к президенту России с тем, чтобы он не подписывал этот законодательный акт». Из обращения группы американских конгрессменов Ельцину: поправка «жес-

ткими организациями, Вячеслав Полосин: «Все сфокусировалось в этом вопросе, в императиве предельной простоты предстоящего решения. Президент либо должен выбрать собственный народ, его традиции, жизненный уклад, его интересы, либо уступить шантажу политиков из-за рубежа. Выбор очень символический и, я бы сказал, - сакральный». Он же «запад оказывает на Б.Ельцина по этому вопросу огромное давление: наряду с другими государственными и политическими деятелями президент США Б.Клинтон, канцлер Германии Г.Коль лично обратились к президенту России с тем, чтобы он не подписывал этот законодательный акт». Из обращения группы американских конгрессменов Ельцину: поправка «жес-

ткими организациями, Вячеслав Полосин: «Все сфокусировалось в этом вопросе, в императиве предельной простоты предстоящего решения. Президент либо должен выбрать собственный народ, его традиции, жизненный уклад, его интересы, либо уступить шантажу политиков из-за рубежа. Выбор очень символический и, я бы сказал, - сакральный». Он же «запад оказывает на Б.Ельцина по этому вопросу огромное давление: наряду с другими государственными и политическими деятелями президент США Б.Клинтон, канцлер Германии Г.Коль лично обратились к президенту России с тем, чтобы он не подписывал этот законодательный акт». Из обращения группы американских конгрессменов Ельцину: поправка «жес-

Поиски своего эха

Артур Чернышов

Судьба никогда не благоволила к поэтам. Поэтому, читая стихи того, кто в наше время осмелился обращаться к поэзии, уже заранее преисполняешься особым отношением к его творчеству, а если поэт — Она, тем более: мужество всегда вызвало уважение (впрочем, зависть и ненависть — тоже!). Действительно, мужественное это дело — писать стихи! Есть во всем этом сочинительстве что-то от пира во время чумы, даже если речь идет о любви, или того хуже — об эротике... А сколько споров отшумело по поводу правомерности женской поэзии, сколько различных оттенков вкладывалось в нее!

Людмила Ефремова — из числа тех, кто не боится в наше голодное время «выковыривать изюм певучести из жизни сладкой саяки», — как писал Пастернак. Ее стихи — это не только привычное самовыражение, но и освоение культурного слоя, нарабатанного предшествующими поколениями поэтов. Она влюблена в слово и играет им, как дети разноцветными мячиками. Она влюблена в жизнь, и, кажется, та отвечает ей взаимностью. Что еще надо поэту? Конечно же, поэту хочется увидеть Книгу! Свою! И вот я переписываю совсем недавно вышедшую книгу стихов поэтессы «Шаги», изданную тюменским малым издательством «РУТРА», вчитываясь в строки, радуясь узнаванию своей молодости, подобных себе, окружающих нас... Да это же я! А это она... Так вот почему она так держит себя... Вот почему нам было хорошо... и плохо...

Двадцатый век рекордно двойствен. Это век громадных открытий в человеческой природе, в наших внутренних «америк» — и век небывалого психологического невежества. Вся наша жизнь, как никогда, полна ос-

трейших переломов, а мы не умеем обезболить их, не знаем, как смягчить их разрушительное влияние на наши души и отношения. Искусство людского общения — вот главное крыло наших знаний. Этому главному человеческому знанию и посвящена книга Людмилы Ефремовой. Она говорит о себе, о нас самих, говорит без зажатости в нудные тиски. Иногда кажется, каждая женщина — материализованное эхо одной единственной песни, спетой в момент создания мира. Наверное потому, что женские поэтические голоса, при всей своей неповторимости, объединены невидимой одинаковостью (если не употребить сумасшедший термин «этимология»). «Одинаково трудно встречать и прощаться...», «Привиделся ты мне странно — в холщовой до пят рубашке...», «Оглянулась — мутно, зябло, дышитесь, плачетесь...» — все это поиски и нахождение той далекой песни, музыка которой растворилась в зыбкой атмосфере Земли. Ее стихи — поиск своего эха, настройка голоса. А подбор бытовых реалий в них, характерный для поэтессы, — свидетельство устремленности лирического чувства, ибо каждая бытовая подробность заимствована из сферы более высокой, чем обыденная жизнь:

В одеждах грубых я теперь стою. И тот, другой, не видит боль мою. Человек не остров, но часть материка. Все происходящее вокруг него — гармоническое целое, пронизанное тревогой любви, дрожью сердца. Поэзия наполовину, если не на две трети, состоит из признаний в любви, неповторимых откровений, окутанных какой-то таинственностью изломов души. Нечто подобное шагает и по страницам этого сборника:

Руки женские тонкие,

на злобу дня

рытым дном материальных ценностей.

«Грabb награвленное» — этот большевистский лозунг в подметки не годится тому, который дает нам название: «Опустошай опустошенное». Это негласный договор между теми, кто у власти, и западными миссионерами относительно страны, православие в которой подубексрвлено эпохой воинствующего атеизма. Политика «разидеологизации» безнравственна и антинародна потому, что узаконивает отключение у людей тормозов духовных и нравственных установок, какими, безусловно, должно быть обременены народы к своим корням, ибо никакие мировые духовные ценности не спасут общество, отрешившееся ради них от собственной национальной культуры.

Нас они призывают учить любить Бога. Такого, как Вацл, — с колонизаторскими замашками, нам никогда не понять. Да и не скромно как-то с вашей стороны учить тех, чей Бог спас мир от фашизма.

На первой встрече, у Деяла, посадили детишек на сцену и стали им длинную сказку рассказывать про фермера, который все разбогател хотел, ферму продал, искал алмазы и умер, а другой, купивший ферму, на ней алмазы нашел и разбогател. Скупили было нашим детям. Слушали сказку из вежливости. У них герой сказок — Иван Царевич за правду со Змием не боится сразиться, и птице, которая его из пропасти выносит, не задумываясь кусок мяса из собственной ноги срывает. А тут один идеал — обогащение. С выводом я, правда, согласна: не надо алмазы далеко искать. Они рядом — в нашей душе. И верно: сработает инстинкт самосохранения науки и засверкает почерк бездушных алмазов каждой заблудшей душе красотой того замечательного строения, которое зовется национальной культурой, кровью и пот в которое вложили наши предки.

Итак, миссионеры из-за рубежа выполняют четко разработанный план, направленный на разрешение православия — той религии, в которой выковывалась Русская нация. Есть национальная психология — русское отношение к вещам. Оно держится на православном фундаменте. Нас лишают его — и мы летим в пропасть.

Рьяное вмешательство американских конгрессменов в вопросы религии — наши внутренние вопросы, давление на президента со стороны Клинтона и Г.Коля только подчеркивает, что они-то правильно понимают приоритет духовного над материальным. И знают, пока русские будут независимы духовно, им не удастся подчинить себе наши материальные богатства.

Прозелитизм набирает силу. В свое время, когда он был направлен против коренных жителей Америки и встретил сопротивление, появился лозунг: «Самый лучший индеец — мертвый индеец».

Что? Будем жадить, когда это же скажут о православных?

Т.Гуськова, член Совета общества Русской культуры

Неприкаянно ломкие
Не хваталась за милого,
На уживчивость хилого...
x x x
Потом был дождь и зонтик
на двоих.
Все на двоих.
Потом весна пришла.
Ты помнишь? Я не позвала...
x x x
Плутали руки в темноте...
А двери, двери все — не те!
Открылись. Нет! Не тот порог.
Кому-то дом, а мне — острог...

Но если говорить честно, то в «Шагах» не столько уж много «про любовь», сколько о Любви к миру Человечества. Оно — мерило всего сущего, тот высший глас, основы миро-созерцания которого навечно создадим, поисками, открытиями и вновь поисками. Здесь обретается свой особый голос, ни на кого не похожий и внутренне весьма дифференцированный. Нам всем по простоте душевной

Оставить добрую память

Память так неблагодарна рассеяна и не удерживает имен и сюжетов, и через неделю ты уже находишь на месте живого впечатления одно смущающее недоумение — неужели забыл? Благо у Юрия Баскова память так скоро становится канвой и сутью поэтических строк. У него герои, их жизнь искрятся штрихами особенной подробности, подробности чувств, явлений, и эти подробности — сама суть их жизненного следа. Ибо вещи доказываются не словами, а навязываются самостоятельным опытом. В этом убеждаетесь, вновь и вновь перечитывая стихи из первой книги автора «След», также изданной малым издательством «РУТРА». Общечеловеческое в этих стихах постоянно соотносится с национальным, национальное не замыкается в себе. Даже в тех, кабудто особых случаях, где заметны мотивы варварского вмешательства нашей действительности в жизнь малых народов Севера.

И еще вот какую особенность заметил я в стихах Юрия: они тихие, всегда вызывающие сопереживание. Особое чувство Родины в них проникает во все направления духовного и нравственного бытия, оно — стержень характера лирических героев. Оно спорит, мается по очередям, честит

кажется, что поэзия рождается одновременно с рождением стихотворения. Увы, если бы это было так, мы все были бы уже давно раздавлены тоннами поэтических книжек! Людмила Ефремова отражает окружающую ее явления казалось бы в традиционной манере, но она лишена эмоционально-поэтической банальности и рутинности. У нее из атомов смысла и молекула воображения рождается поэзия чувства и чувственности, убеждающая нас в абсолютной правоте:

Мы себя одиночеством рвем...
Но под Господом вместе поплывем
К Единению света.
x x x
Из оправданий и невогод
Защиту ладим споро:
Еще один бесцветный год
Припрятали, как воры.
Жаль, что многие из стихов этого сборника оставляют двойное впечатление, своей, может быть, незавершенностью; может быть, оттого, что

последними словами и старых и новых бюрократов и ищет выхода, берет на себя бремя органического движения жизни, несмотря на дроволомную политику новоявленных «демократов»! С ними все уже, кажется, разобрано, осталось дописать, от глупости или они вытаращат такос, или от злого расчета. Но поэзия не молкнет, и пока слепое время считает свои обиды, она вглядывается в мучающуюся жизнь. Вглядывается в нее и Юрий Басков, несомненно талантливый поэт:

В нашей судьбе от века
Бабе и мужику —
Каждому человеку
Роздано по маяку.
x x x
Словно тельник, рябал
У бригады судьба.
Принимай, дорога!
Нас Обская губа!
x x x
Чуждая ситуация
в нашей стране сейчас:
даже слепым инфантил
зрение летит враз.

В том, что именно Тюменский Север — его стихия, его жизнь и любовь — сомневаться не приходится. Что ни строка, что ни образ — открытие, большое чувство проникновенности в судьбы рыбаков обс-

они все же «со вздохом». Может потому, что они одухотворены той неповторимостью, в которую новое поколение лириков вонзает свой молодой клычок, минута хлеба классики. Впрочем, какая разница, как написана проза — прерывистой, захлебывающейся, шершавой фразой или фразой скрупулезной, чисто отфугованной. Важно одно — чтобы перед нами предстала действительность и та мысль о действительности, которую несет автор.

Возможно «Шаги» и будут вызывать возражения, споры. Иначе и быть не может. И было бы плохо, если бы было иначе. Истина в спорах не рождается, ибо существует сама по себе, вне споров. Но споры, в том числе и литературные, если они не злобнозаставительные, а по существу, — свидетельство пока не стертой «цветущей сложностью».

Шагай, Людмила, смелее! Чуть больше «вздохов». Бог в помощь!

ких просторов, мужественных покорителей трасс, заброшенных обжитых места строитель и авиаторов, грузчиков и изыскателей. В тугой узел сплелись их северные тropy и судьбы.

Там есть в излучке островок,
Где чум стоит, где снег не тает.
Там восемь лет его сынок
Живет, а он о нем не знает.
x x x

Нам Север бешеный — приют,
Кедрач милае кипарисов,
Нам песни хриплые поют
Сырые доски рыбных пирсов.

Не боюсь повториться, что жизненный след поэта — любовь к северным просторам, тем устам и бороздам отчаянным головам, что населяют и украсают страну, именуемой — Север. Но не одной, конечно же, северной идеальной живет поэт. Каждый из пяти разделов сборника с поэтичными названиями, (прекрасно художественно оформленными, впрочем, как и сборник Людмилы Ефремовой, художником Сергеем Крысиным), — его откровение, его восприятие действительности и удивительно добрейшей участии к нашей повседневной обыденности, которую он видит и понимает в своем, неповторимом ключе, и верит:

Будет день, взойдет в полях пшеница,
Возьмется мир и доброта...
Вот и к нам вернется с Юга птицы —
В старые обжитые места.

Русь глубинная

Невысокий старик преклонил колени перед иконой. Со святого лика на него смотрели прекрасные, чуть скорбные глаза Богоматери. Старик

кланяясь на храм, рассказывает: — Вот построил Тимофей Павлович Кузин церковь, спаси его Господи, сам с топором работал. Хлопотал. Не больно-то охотников помогать, да и некогда людям: «воей работы через

Возвращающийся домой с богатством...

застыл, лишь губы шептали молитву. И был он похож на изваяние из сухого, потемневшего от времени дерева, какие создает сама природа. О чем молится перед Заступницей Тимофей Павлович Кузин, чего просит? Долголетия? И так прожил немало, на девятый десяток перевалило. Молодости, здоровья? Человек смертен, а здоровье... Слава Богу, ноги носят, и голова еще ясная. Четверых детей вырастил, войну прошел. И энергия есть, непоседливость. Другие в его возрасте на печи лежат да заваленки отирают. А он, Тимофей Павлович, мотается длинными рейсами на автобусах в Тюмень, в Ишим, в райцентр. В селе Уктуз Бердюжского района, где живет Кузин, знают его неутомность и глубокую человеческую порядочность, его неутомимые старания и духовной ниве. Не для себя старается. Глубокая вера сочетается у него с практической хваткой, знанием реальной жизни. Древние святые отцы писали: «Если ты был тружеником, то не скорби о приближении доброго переселения в другую жизнь. Возвращающийся домой с богатством не бывает в печали». И еще: «Добродетелью не почитается та, совершение которой не сопровождается трудностью дела».

А молитвы Тимофея Павловича о людях, о близких. Былая в Тюмени, непременно придет на службу в Знаменскую церковь. Отстоит на ногах, на коленях, обойдет дорогие иконы, приложится к благоговению.

На этот раз ему непременно хотелось встретиться с Владыкой, который, как он узнал, приехал в Тюмень. Терпеливо дождался его среди посетителей Кузин.

Владыка Дмитрий выслушал Тимофея Павловича и благословил старика просимым: дали ему несколько икон, кое-что из церковной утвари.

Деревянная церковь в селе Уктуз появилась недавно и стараниями, трудом Кузина. Иконы, алтарь — все как в любом храме. Незатейливостью, простым убранством напоминает она древние, первые на Руси христианские храмы, ставящиеся из дерева на поселениях, в первых скитах. Пахнет ладаном, свечами. Здесь мы видим Т.П.Кузина в стихаре, он помогает вести службу, читает молитвы.

Бабушка на улице, крестясь и

край. Не маленькая церковь получилась, вместительная. Старушки приходят, молодежь заглядывает, кто от скуки, кто из интереса. Детей крестят. Хорошо! Раньше в каждой деревне-селе храм стоял, на видном месте стоял. Праздничность от него. Помнили люди Бога. А теперь... Замы стали, денег им побольше подавай. Природу губят. Так жить нельзя. Надо по совести, по закону Божию. Тимофею Павловичу Владыка предлагал рукоположиться, да куда — стар уже...

Издreven в Сибири ставили церкви, как пришли в эти края русские люди. А уж в последние века особенно. В XVIII веке, например, митрополитом Сибирско-Тобольским епархии, а епархия тогда простиралась до самых восточных окраин государства, Филофем Лещинским, посланным царем Петром Первым, построено 288 церквей каменных и деревянных.

Впоследствии, после революции, с разрушенными святынями постепенно и рушился народ. Безбожие, как основа мировоззрения атеистического государства, продемонстрировало разрушительные тенденции по отношению к человеческой душе, что явилось прямым следствием разрушения всей окружающей среды.

— Отступили! От Бога отступили! — говорит Тимофей Павлович с видом человека, которому хорошо известны причины бедствий, переживаемых обществом. — Говорим, живем плохо, а что сделали, чем удостоились пред Господом, чтоб жить лучше? Веру отеческую потеряли, ненавидим землю родную, родники отравили, леса вырубали и выжгли. Будем ли жить хорошо?

Тимофей Павлович от веры не отступал, хотя гонения терпел. Над детишками в школе насмехались, приходилось менять место жительства. Самому без работы оставаться. И бухгалтером работал, и печником ходил по деревням.

После войны вернулся домой и задумался: всегда на Руси поминали своих сынов, принесших жизнь на алтарь Отечества. А тут — такая война и нет памяти погибшим. Пришла в сельсовет: дайте списки убиенных. Для чего? Поминать буду. В списке набралось 252 человека.

В профком за материальной помощью обратился. Для него тебе?

Панихиду закажу об убиенных. Смеются. А деньги — 50 рублей — дали. И загала тогда мысленно построить свою церковь. Далекое ехать в Ишим, в Тюмень. Стаю по инстанциям обращаться за разрешением. «Тебе бы,

Кущин, цирк строить, если силы некуда девать...»

К церквям относился в райкомах, исполкомах с откровенным презрением. Таких трудов стоило добиться разрешения. Бросал дела и ездил в район, в епархию, за свой счет мотался. Подписи верующих собирал. А как разрешили — новые препятствия. Где взять средства, материалы? Помогали в епархии. Свои односельчане, кто желал иметь у себя церковь, сбрасывались рубашками. Ясно, богатеет среди них нет. А вот бегают и брать на себя строительство пришлось Тимофею Павловичу, это в семидесят пять лет.

— А кому больше хлопотать? — рассуждал он. — Священника нет. Вот уж построим — тогда Владыка обещался прислать...

Церковь есть теперь в Уктузе. Из других деревень старушки приходят помолиться. Да и не только старушки. Тянутся люди к вере. Помогает она в непростой жизни. Сильнее делает человека.

— Мне силы Господь подает, — говорит Тимофей Павлович. — Его милостью все поспеваю.

Теплая живая вера к Господу коснулась сердца этого человека с раннего возраста. И это помогает ему в жизни пережить трудности, оставаться добрым, совестливым человеком. «В войну, — делится он, — мыны рядом рвутся и даже осколком меня не заденет. А отойду в сторону и на том месте все разнесит. Молитвой спасался. Это неверы на свои силы полагаются, да часто и затягивает их в пороки, пьянство...»

И молится сейчас Тимофей Павлович за односельчан, чтоб вернулись к Богу, к совести.

Закончить рассказ об этом простом и одновременно удивительном человеке, мудром высшей, духовной мудростью, мне хочется изречением из книги «Добролюбие»: «Не продавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу ничего не стоящую, ибо слава человеческая обращается в прах и молва замирает на земле, а слава добродетели пребывает во веки».

Рассказ наш о Кузине — не похвала, а желание подать другим пример бескорыстного подвижничества.

Антонина Левадная



ПЕСНЯ ТВОЯ, ТЮМЕНЬ!

Евгений Вдовенко

ОДА ТЮМЕНСКОЙ ЗЕМЛЕ

На Тюмень набегают морозные тени,
Поневоле по брови залезешь в меха!
Сколько нас, подчитай-ка, -
В Тюмень, из Тюмени,
На Ишим, в понизовья,
На Вартовск, в верха!..
Управления, тресты, отделы, конторы.
Что ни день, - по вязку набиты людьми,
Мельтешат этажи
И скрипят коридоры
Да усердно машинки стучат за дверьми.
Пусть потомки тропы не отыщут к над-
гробью, -
Значит, правда,
Ермак и поныне живет.
И летят его струги просторною Обью,
Над которой бессмертное солнце встает.
Стрелы кранов повсюду -
Не стрелы со свистом.
Сталь со сталью встречается здесь -
Не мечи.
Вышки прут из земли
По-сибирски плечисты,
По-сибирски и кряжисты, как кедрачи.
А с тобольской горы оглянись, осмот-
рись-ка, -
Вся Сибирь, вся Россия, Советский весь
край
Строят жизнь,
Рукава засучив по-сибирски,
Да такую,
Что с нею мечом не играй!

1975

Тюменской писательской организа-
ции - тридцать лет. Много это или
мало? Думается, что пройден немалый
путь, если судить по творческому бага-
жу наших писателей и поэтов. Бышли
десятки книг - повести, романы, пьесы,
поэтические и литературоведческие,
очерковые.

На этих страницах «Тюмени литера-
турной» представлены поэты, что на-
чинали свою творческую биографию в
Тюмени в пятидесятые-шестидесятые,
семидесятые годы, а также те, кто и
ныне активно работает в литературе.
Всего по одному стихотворению печат-
аем, так или иначе связанному с тю-
менской темой, темой родного края.
Песня твоя, Тюмень! Пожелаем ей кре-
пости, вдохновения, силы.

Георгий Первышин

КНИГОЛЮБ

Он был любитель книг,
Да кто о том не слышал!
На деле их любил, не на словах.
В постель их брал с собой...
- Чтоб мысли были выше?
- Чтоб выше было в головах!

1974

Владимир Нечволода

НА СЕВЕР!

На Север, на Север бегут поезда,
И ветер на Север торопит суда.
А трактор по черному яру над плесом
Накручивал версты земли на колеса,
Ему пароходы сигналият гудками:
Не хочешь, дружище, на Север за нами?
На Север за нами! На Север за нами,
Где стынет земля еще вешними льдами,

Где дремная нефть из подземного плена
Рванется к причалам
по трубам-по венам...
Трубит пароход над поляною сонной,
Звучит стоголосицей эхо в затонах.
Услышав его из сибирских портов
На Север спешат караваны судов.
И вот уже сотней китов толстопузых
Наполнены баржи бунтующим грузом.
А эхо летит и летит над волнами:
На Север за нами! На Север за нами!

1967

Владимир Фалеев

ЧЕРНЫЙ СОК

Земля кругла, как бочка,
Экватор - обручок.
Проткни ее чуточек -
И брызнет зерный сок.

Хозяюшка лесная -
Тюмень, открывши дно,
По кружкам разливает
Древнейшее вино.

1966

Анатолий Васильев

ТЮМЕНЬ

Обложили Тюмень болота,
Обступили Тюмень леса.
Постоянно в ее широтах
Непогодные небеса.
Перекрыты пути-дороги.
Соизмерь. Расчитай. И взвесь.
Если черти ломают ноги, -
То, наверное, только здесь.
Отступи и не проуй силы,
Горизонт не проступит, стерт.

Александр
Рахвалов
ПЕТРАССА

Тобольскому управлению
магистральных
нефтепроводов - 25!

Публикуем материалы из новой доку-
ментально-публицистической книги члена
Союза писателей России Александра Рахва-
лова, вышедшей недавно в Тюмени к 25-
летию Тобольского управления магистраль-
ных нефтепроводов. В правдивости и жест-
ком стиле, как предыдущие произведения
А.Рахвалова, написана «Трасса», повеству-
ющая о нефтепроводчиках.

Не многие ведают о людях, по многу лет
проживших в поселках, разбросанных по
трассе, - всегда в тревоге и всегда будто на
пороховой бочке. Да, «труба» стареет, ло-
пается, не редки затяжные аварии, укрощать
которые способны лишь мастера
высочайшего класса. Не случайно эта кни-
га начинается с Уватского прорыва, до
невероятных размеров раздутого нашей
прессой в начале года.

Честно говоря, о многих не удалось
рассказать автору. Физически невозможно
всего охватить и написать о каждом рабо-
татге. К тому же на трассе что ни человек,
то судьба, достойная отдельного романа.
Поэтому читателям предлагается как бы
сокращенный вариант документально-пуб-
лицистической книги.

Трасса трассой, работа работой, но ав-
тор, собирая «живой» материал, прежде
всего думал и помнил не о «стальных
нитках», а о людях, живущих обыкновен-
ной человеческой жизнью, связанной забо-
тами о семье и хлебе насущном.

Публикуя страницы книги Александра
Рахвалова, «Тюмень литературная» выра-
жает признательность Тобольскому управ-
лению - одному из благодетелей выхода
этого номера газеты.

Итак, слово автору.

Авария в Нагорном

1. Над трассой

Я собирался на трассу. Для этого мне нужно было с утра
«забронировать» место в вертолете. Если будет - попутно
захватят и меня. Поэтому еще затемно я подошел к Управле-
нию.

В кабинете Николая Евгеньевича Жернакова работал его
зам. Здесь же сидели те, кто в любую минуту мог понадобиться
на «переключке». Селекторная связь была отличной по всей
трассе, даже в коридоре - голоса людей, отвечающих Кашшафу
Каримовичу Авазову из Кедровой, Демьянска, Увата... Будто из
соседнего дома говорят, а не из тридцатого царства-государ-
ства.

Сухощавый, но крепкий в кости, неулыбчивый, с усталым
лицом, словом, человек весьма сурового вида, Кашшаф Карим-
ович при мне отчитал какого-то растяпу:

- Что же, собрались лететь, да? Собрались лететь, а груз
оставили на складе. Теперь за ним ехать, так? Транспорт вам
подать... А день и без того короток, чтобы опаздывать к
вертолету. - И чуть смягчавшись: - Как будто не знаете нашего
жесткого рабочего графика. Езжайте быстрее за грузом...
Нечего выжидать.

И мне напомнили, чтобы без пятнадцати девять был возле
автобуса. Иначе останусь.

Кивнув, я предпочел за благо поскорее убраться: авария на
трассе, не до меня. Сам не люблю, когда мне мешают работать.
На трассу вылетели в девять. Совсем уж рассвело и даль
просматривалась до самого горизонта. Мужики дремали в
грохочущем вертолете, где все равно невозможно было разго-
варивать. Разве что орать, наклоняясь к уху соседа.

Тайга внизу просвечивала насквозь. Будто колья торчали
зазубренные сосны, воткнутые в снега. Мертвая округа, спя-
щая. Несколько раз, кажется, пролетали реку, где под берегом
желтели продольные выдолбы: кто-то ставит «фитили», значит,
рыба есть. Но я все ждал зарева над тайгой, о чем сообщалось
в «Труде».

По данным Российского госкомитета по чрезвычайным
ситуациям, в течение пятнадцати дней не будет подниматься
нефть в Самару из Нижневартовска. Именно такой срок
потребуется для ремонта магистрального нефтепровода.

Авария произошла по вине строителей треста
«Приобьтрубопроводстрой», сообщила газета за 14 января. В
130 километрах от Тобольска во время ремонтных работ
погнула труба диаметром 1200 миллиметров. Вылившуюся на
землю нефть сжигают, чтобы спасти от загрязнения окружающую
природу.

Первая посадка будет, естественно, в Нагорном, где
произошла авария. Говорят, что «аварийщики» вот уже третий
сутки день и ночь укрощают разбушевавшуюся стихию, чтобы

Теплоходу - причал опостылел,
Самолету - аэропорт.
Обложили Тюмень болота,
Обступили Тюмень леса.
Постоянно в ее широтах
Непогодные небеса.
А под нею - не слышно разве?! -
А под нею ревет-гудит
Голубая стихия газа,
Нефти черный котел кипит.
Ни замены им, ни отмены,
Пребывают всегда в цене.
И ни шагу без них Тюмени,
И ни шагу без них стране.
Не сошлешься на то и то-то,
И не скажешь, что не могу...
Простилает Тюмень болота.
Прорубает Тюмень тайгу.
Носят грузы вода и воздух,
Вопреки и наперекор.
Государственных планов поступь,
Государственный разговор...

1971

Петр Суханов

* * *

Снова
Опадают тополя.
Небо по утрам не в синь,
А в просинь.
И грустит как будто бы земля -
Это
Осень.
В паутинках
Роши и луга.
Золотое
Вызорилось утро.
И стоят,
И светятся стога -
Тихие,
Забывшие как будто!..
Это
Осень.
Значит, скоро - снег.
Значит, налетят метели, вьюги...
Ну а я скучаю по весне,
Словно по единственной подруге!..

1983

Николай Шамсутдинов

* * *

В ямальской тундре - проливень весны.
В кочкарник слепо тычутся проточки,
И до восхода
Важенка луны
Скользит по тундре, переметив кочки.
Великое бессилие снегов!
Растаявшие грустные алмазы...
За перистым кочевьем облаков
Проталины следят, зеленоглазы.
Проселок захирел - до холодов...
Тепло царит от Явы и до Зеи.
Грустит в седых напевах пастухов
Эпическая дрема Мангазеи.
Но - чу! - здесь в бубны бьют, поют и
пьют,
Качается, как легкие качели,
Моя земля...
И запахи кочевья
Обнимут властно голову мою.
...В сыром снегу
Стоят мои следы.
Из-под сапог мелодии забили...
Казань, поведдай, где твои сады?
И что мне делать с этим избытком?!

1984.

Владимир
Волковец

* * *

Долго не сохнет
осенняя грязь,
Долго не сохнет.
Газик буксует, глубоко
увяз,
Скоро заглохнет.
Дверцу водитель
захлопнет рывком,
Плюнет - зараза.
И озабоченно
двинет пешком
До автобазы.
До автобазы четыре
версты
Полеж да лесом.
Стоит в осинник ему
забрести,
Как с интересом
Он поглазет на дым
паутин,

Тишь золотую.
И пожалеет, что видит один
Радость такую.
Он пожалеет, но вспомнит друзей,
Вспомнит и сразу
Повеселеет и двинет быстрее
На автобазу.

1991

Юван Шесталов

* * *

Кто говорит, что здесь, в лесах дремучих,
Деревьев нет, и стройных, и могучих?
Кто говорит, что на земле моей
Сердечных не встречается людей?
Деревья вырубают, но они
Опять растут там, где остались пни.
Хотя огнем их беспощадно жгут,
Из пепла они снова восстают.
Коль с лесом так случается порой,
Как может прекратиться род земной?
Перевод с манси Вс. Рождественского

1970



«спасти от загрязнения окружающую природу».

И каково же было мое удивление, когда вместо пожарника, охватившего всю округу, я разглядел у подножия лесистого холма застывшую технику и людей, столпившихся вокруг малинового, похожего на раскаленную жаровню, но спокойного, как бы тлеющего огня! Будто грелись, надумав перекурить.

Чуть в стороне - черное пятно, расплывшееся жирной кляксой по заснеженному склону. Тайга цела и невредима, лишь слепка затянута дымячком.

Кто-то усмехнулся, покачал головой... Да, слов нет - одни чувства, как иронизируют в народе.

И тем не менее поселок нефтепроводчиков жил какой-то непонятной покуда для меня, расстроенной жизнью. Это было ясно с первого взгляда. И работяги, попадавшие в руки, не думали улыбаться: лица усталые, задумчивые, сами - в почерневших от дыма и копоти робах... Все было за то, что главные события уже позади, что это - вчерашний день.

И только по радио, передававшем программу новостей, по-прежнему «тушили» тайгу едва ли не на пяти гектарах.

2. «...Сколько еще клопа давить?»

К месту прорыва мы отправились с водителем степуновского «газика». Спустились по размякшей, будто осенней дороге, проложенной по кромке лесистого холма. Слева от дороги темнела траншея: прокладывали новую «нитку».

Меняют сгнившую... Ей уж, поди, лет двадцать пять. Может лопаться по несколько раз в году, - поясняет Виктор Самолов - водитель начальника станции, которого он отвез куда-то еще до обеда.

И вот, наконец, обогнули холм и выехали на небольшую площадку. Впадина, окруженная со всех сторон лесом. Что-то наподобие пересохшей до дна тазиковой речушки. Именно в ее русле скопился нефть: лужа - можно переплюнуть.

За обгоревшей техникой парил дым. Огня уже не было, площадку засыпали песком.

Надежда Петровна, инженер по технике и безопасности, отправилась к «вахтовке», где, очевидно, перекуривали мужики, а мы с Виктором - к трубе.

Я никогда бы не подумал, что прорыв в трубе, которая лопается под огромным давлением, может быть в буквальном смысле слова с кулак. Однако же вот она, эта незначительная пробоина, передо мной. Действительно, с кулак. А факел, говорят, взвился до самого неба и пластал с угрожающим свистом не один час и не два. Ближний к нему трактор обуглился и чернел, как головешка, а у катерпилера обгорела кабина.

Трубу пробил экскаватором. Крюком. И тут, видимо, искра попала... Нефть вспыхнула. По крайней мере, когда мужик-экскаваторщик побежал звонить, то другой уносил от огня огромный баллон с пропаном.

- На трубу-то они как заехали? Не знали, что ли?
- Знали. Тысячу раз говорили. Но здесь, за холмом вроде как теплей: морозы стояли, с ветром. Вот и прятались, и грелись от газовой камфорки. Что поделаешь - трасса! Здесь нельзя зевать.

- Продолбить трубу - она что, идет поверху? - никак я не мог взять в толк. - Они-то же свою укладывают в траншею... В двадцати шагах отсюда. Ни хрена не пойму.

- Все зависит от рельефа. Иную трубу шестом не достанешь, а иная, действительно, идет прямо верхом. Кое-где эти трубы «прыгают» одна через другую.

После аварии за перепутанным экскаваторщиком приехал следователь из Увата. Переполах подняли на всю страну. Газеты, радио, телевидение... И все это, как зарево, над уватским прорывом.

А я невольно огадываюсь на соседнюю «нитку»: новая труба уже в изоляционной «рубашке», только в широком просвете, вижу, темнеет изрядно поржавевший металл. Значит, перед тем, как трубу покрыть специальной лентой, ее «забыли» покрасить. Одна авария как бы превосходит другую. Что же это за строители в тресте «Приобитрубопроводстрой»? Не могут, знать, работать без огня и дыма ребята из Игрима. И трасса-то после всего видится мне неким нарочно созданным фронтом. Где одни тянут халявную «нитку» - другие ее латают, и все вроде бы на войне. То есть при деле. Ну не марзам ли?

Однако, это к слову. На самом деле все значительно сложнее. Чтобы говорить обо всем серьезно, надо говорить с «аварийщиками».

Начальник аварийно-ремонтной службы крутится возле обгоревшего экскаватора. Мужики ему помогают - завели тросы, надо бы оттащить эту развалюху - споревший экскаватор - в сторону, но... Трактор, которому это по силе, не заводится. Мощному «японцу» не сладко на русских морозах, хотя сегодня сравнительно тепло.

Александр Васильевич Чучериллов забирается на широкую гусеницу.

- Ну, сколько еще клопа давить?

В спортивном, сбитой на макушку шапочке, в промасленной спецовке, весь какой-то всклокоченный, он на секунду не простиет без дела.

- С бугром поговори, - советует мне водитель. - Он мужик резкий, но ничего... С умом.

- Ага, - усмехнулся я. - Самое время. Он меня здесь третий день ждет. Где это, думает, затерялся мой любопытный писатель.

Виктор понимающе хохочет. Скорей всего, над своей глупостью, чем моим ответом.

- Значит, терпи до завтра, - советует он. - А нынче последний авралный день. После мужикам лишь бы отоспаться... На «подсобку», что ли, сходи. Я тебя отвезу.

На обратном пути разговорились. Виктор Самолов, честно говоря, хороший собеседник - из тех, кого не нужно тянуть за язык. Внешне он типичный деревенский парень, общителен, чуть насмешлив и в меру выказывает свое со-

бственное «я».

- Родители у меня из Тобольска. Рассказывают, что переахли в Уватский район, когда мне было пять месяцев. Теперь у меня самого трое детей. Старший нынче поступил в пединститут. Звоню, интересуюсь, как, мол, там живешь? Хорошо, говорит, папка. Ну, понравилось парню... И с богом. Пускай учится. А я уж поддержку его, пока учеба.

- Хорошая зарплата? - интересуюсь. - Теперь в городе учиться накладно. У студентов, как у бичей, - зубы на полке. Не из господских семей. Безбедно учатся только от нефтехимкомбината.

- Дело не в зарплате, - закуривает он, посерьезнев разом. - Хозяйство держу. Нынче, например, заколол свинью, бычка годовалого... Поддержка есть. Еще держу корову, телушку, овечек. А как же без этого? Нельзя. Пропадешь. В магазин загляни - пустота.

Этим он меня удивил. Я сам вырос вблизи Вагайского энгэски и всегда знал: трассовки не только скотину, но и собак-то сроду не держали, а здесь... Изначально трасса была просвоящей: завезут продукты - живешь, нет - кормится чем может. Даже на «подсобку» не везе отчаивались. А в Нагорном и «подсобка», и частные хозяйства.

- Все держат скотину. Ты что? Разуй глаза.

- Если все держат скотину, то зачем «подсобка»? Не вытравивает плана, что ли?

- Не мясо же комбинат, - отмахнулся Самолов. - Своего хозяйства надежней. И не кланяться не ходить, не гадать: хватит тебе утром молока или скажут приходиться через день.

Теперь я видел, что повсюду, где только можно было, лепились сараюшки и хлевушки с сенниками и без. Но нигде не виделось сена, даже малой копейки. Вот почему я не обратил поначалу внимания на эти постройки. Думал, что как на «северах»: балки-балочки, сараюшки, а внутри - лодочные моторы да рыболовные снасти. Здесь все было иначе.

- Чем кормим скотину? - переспросил Виктор. - Большая мозоль. Да, покосов нет. Сам видел, когда летел сюда, - повсюду тайга да тайга. Поэтому косить приходится чуть ли не в соседних районах. Зимой перевозить. А чаще всего, то соломки прикупить, то сена... Все на стороне. Но ничего, держимся.

Немного помолдав, он продолжил:

- Беда-то не в этом. Летом пожары задохнули... Живешь, как в аском котле. Всем поселком дежуришь, чтобы, не дай бог, головешка не прилетела и не спореть здесь живьем. А выход есть. Например, уж который год обещают эвакуировать людей поближе к Иртышу, там поселок построить и земля, главное, отведена, но... Из года в год эвакуация откладывается. Жилой фонд держит? Ерунда! Домам-то по двадцать лет, одна рухлядь. Тиснешь рукой - стенка продавливается... К тому же ЛЭП над поселком, тоже не на пользу. Летом идешь по траве и током бьется. Когда-нибудь зашибет, как быка на войне. Не знаю, но что-то тянут с эвакуацией, что-то мешает делу.

- Интересовались?

- Тышу раз. Одни обещания.

* * *

Сосны расцвечены бликами,
Солнечно в поле души.
Музыка нежная, тихая,
Где родилась ты, скажи?

Сосны, как скрипки певучие,
Облака тает дымок.
Песней нездешнею мучает
Путника
Ветер-смычок.

Радость я чувствую вечную...
Если устану от бед,
Музыку, тихую, нежную,
Ты подари мне рассвет.

1979



Дни литературы в Тюмени.
АВТОГРАФ.

Значит, начальству выгодно, когда вы к станции привязаны. Случись авария, а вы вот, под рукой. И не удерете от пожара - хозяйство, дети, куда и от кого бежать?!

- То есть как смертнички? - невесело рассмеялся Самоловов. - Может, пока денег нет - строить заново. Подождем. Привыкли уже ждать. Всегда так: молчим от пожара до пожара, но как вспыхнет тайга... Вон она, «подсобка»-то... Дойдешь, - притормозил он у свертка. - Здесь все рядышком, все под рукой.

Надежда Петровна вышла у конторы. Я предупредил ее, что вечером приду в гости. Она отмахнулась, приняв это за шутку. Но я обязательно должен был поговорить с ее мужем, опытным сварщиком-трассовиком, о котором говорила мне Любовь Ивановна Разбойникова в отделе кадров.

3. Дед

К своему стыду, я перепутал начальника Тобольского управления с Дедом. Чем-то они очень похожи друг на друга. Поэтому я обратился к Николаю Евгеньевичу Жернакову как к Андрею Павловичу Степунову.

- Да, все устроим, - не подав виду, что я ошибся, ответил мне с хрипотцой Николай Евгеньевич. - Из Увата звонили: телевидение на носу. Будут снимать.

Уж третий день едут. Поэтому естественно удивление в конторе:

- А эти откуда?
- Может, Москва.

И вправду, откуда это можно ехать третий день - и все никак не доехать?

- Сидели бы дома, - проворчал начальник Управления, - мать их за ногу. Что за нужда катить в такую даль? К тому ж и снимать уже нечего. Съемшишки.

- Гоните их к черту...
- Нельзя.

Одернув телогрейку, он направился неторопливым, мелким своим шагом к машине.

Телевидение, как выяснится позже, нагрянет из Тобольска. И лишь спустя пять минут я узнаю, что попал впросак. А Дед будет идти по коридору: такой же, как Николай Евгеньевич, крепкий небольшого роста и в такой же изрядно потасканной телогрейке, в толстом трико и в матерчатых ботиночках типа «Процуй, молодость». Зато всюду по поселку шныряют молодые управленцы при галстуках и в шикарных дубленках.

Да, Деду шестьдесят шесть. Полтора десятка лет он отдал Нагорному и уходит на пенсию пока не собирается. Не вышел срок, силенки еще есть, а уж опыт - таких руководителей по трассе! Днем с огнем не найдешь.

Я ему толкую о своих проблемах, говорю, с кем бы мне хотелось встретиться и поговорить. Он согласно кивает в ответ, мол, все сделаем, время есть. Я ему верю. Не привязываюсь и не тащу следом. Пусть съездят на «трубу». Мне не к спеху. Завтра, говорят, Дед улетает в Германию. А если перед

* * *

Если ты бредешь тропой бесплодной,
Если в голове - туман холодный,
Как над тундрой в пасмурные дни,
Если ты на мир глядел бездумно -
Нас, безвинных, въедливо и шумно
В том, что так случилось, не вини.
Если в некий день под небом хмурым
Оказался ты плохим каюром,
И судьба не слушалась тебя
И постромки спутала упряжка,
Знаем, как тебе, приятель, тяжело,
Но других не поноси, грубя.
Если выбрал ложный путь когда-то -
Не кричи, что время виновато,
Век поспешным словом не затронь.
Если в час беды твоей, как другу,
Друг тебе протягивает руку -
Грех плевать в открытую ладонь!

Перевод с ненецкого И.Фонякова

1969

Роман Ругин

МЕЛОДИИ ЛЕСА

Здесь, в лесу, полно мелодий -
Словно ягод в туюске.
На бутре и на болоте,
И вблизи, и вдалеке.
Жизнь я счел бы неудачной,
Если б мне не довелось
Слышать, как в тиши прозрачной
В день трубит осенний лось.
Слышать, как на зорьке росной
На пороге зимних дней
Сам «хозяин» рывкнет грозно -
Листья падают с ветвей!
А зимой, когда потонут

Дали в клубах снежной мглы,
Слышно, как деревья стонут,
Стонут старые стволы...
Льется музыка лесная
То печальна, то бодра.
Словно белка молодая,
Мысль становится быстра.
Берегите ж многострунный,
Достающий до небес,
Старый, вечный,
Вечно юный
Музыкальный, звучный лес!

Перевел с ханты И.Фоняков

1974

Любовь Ваганова

* * *

Тобольский кремль, и эти сосны,
И предвечерние часы.
Стояли первые морозы
Среднесибирской полосы.

А мне потерянно и страшно,
Я вижу в главном и святом -
Стоит резной и двухэтажный,
И деревянный каждый дом...

И я иду, и сосны машут
Заиндевелым рукавом.
Деревья многого не скажут,
А что расскажут - разберем.

Я разбираю, разымаю
Качанье белое стволов.
То уроню, то подымаю
Сибирскую напевность слов.

1969

отъездом спокоен, то, значит, конец авралу. У такого опытного трассового волка все на лице и в походке.

За день я по привычке к людям, многие лица мне уже знакомы. В гостиницу не спешу. Кто-то из приезжих показывает последний номер газеты «Коммерсант-ДАЙЛИ». Читаем свежую информацию, помещенную под рубрикой «Напасти»:

«В среду в Уваровском районе Тобольской области произошел прорыв нефтепровода Нефтеартвовск-Курган-Самара».

Приятная «напасть». Может быть, на самом деле в какой-то час на земле сибирской появились и Тобольская область, и Уваровский район, и город Нефтеартвовск?

Перед тем как уйти домой, Надежда Петровна посоветовала мне заглянуть к местному художнику.

- А что вы все по производству? Сходите к Сергею Кострикову. Он интересно работает с деревом. Такие вещи режет - хоть выноси на продажу.

4. Об «очередной аварии на трубопроводе».

Утро, как поется в известной песне, начинается с рассвета. Но областная пресса, телевидение и радио начали его с информации, похожих на юмористические зарисовки. Действительно, на трассе создалась комичная ситуация, которую трудно передать на словах.

Посудите сами. Когда уж ликвидировали аварию и к работе приступили «сварные», а шумная ватага «аварийщиков» из центра собралась в дорогу, оставив после себя черт его знает какую разбомбленную комнату-чул, моднейшая газетно-анонимщица запоздало всполошилась. Дескать, как это так - всегда и всюду попевала и вдруг... какой-то столичный «Труд» обошел меня на целые сутки. На молодуху - проруха? Надо навестить упушенное - и поспешила заявить читателю:

Очередная авария на трубопроводе... Разрыв магистрального нефтепровода Нижнеартвовск-Куйбышев. На обширной территории разлиты две с половиной тысячи тонн нефти, которая воспламенилась.

...К счастью, жертв нет, однако тяжелая строительная техника была полностью уничтожена огнем.

«Наше время», 15 янв. 1993 г.

«Тяжелая техника была полностью уничтожена огнем», и непонятно, какую тогда технику убрали с площадки рабочие Александра Васильевича Чучерилова. Вот и сам он смеется, рассказывая мне об этой «очередной аварии на трубопроводе».

- Две с половиной тысячи тонн... Да это от Сальма надо трубу оголеть! На деле же не больше трех... Вдруг аж в стократном размере.

Александр Васильевич энергичный, крепкий мужик. У такого, при случае, и чулпский жеребец, оказавшись под

рукой, запищит мушью.

Семья Чучериловых занимает половину «бамовского» домика. В этом домике одна кухня как вся моя квартира. Хозяин немного отоспался, пришел в себя после трехдневной беготни на прорыве. Можно спокойно поговорить, пока не ушел перепроверять работу «сварных», так сказать, на трезвую голову.

Сидим в кухне, как бы восстанавливаем хронологию событий того дня.

- Прежде мне позвонили, - начал он, подливая мне из заварника. - Выбегаю на улицу. Что такое? Над лесом вроде как облако чернеет... Все это закружилось вперемежку со снегом. Над трассой. А в операторной давление даже не шлохнулось! А черт бы сним, но облако зависло над трассой. Такие облака, по обыкновению, возникают и скапливаются в районе продуктопровода, по которому перегоняют сжиженный газ. И выход тогда один: расстреливать их из ракетницы, чтобы не несло на какую-нибудь деревню и не погубило людей, а здесь... Спешно выезжаю к этому месту. Метрах в ста вижу: туча закружила, закружила, хлопнула и - высокий столб огня поднялся над лесом. Ну да, авария. У прорыва, прямо впритирку к факелу, вижу, пластает экскаватор, «увешенный» задницей на трубу.

Автоматом (по телемеханике) были перекрыты задвижки, возле которых остались дежурить линейщики.

Нефть, перемешанная со снегом, стекала под уклоном. Образовавшаяся в низинке лужа вспыхнула неподалеку от прорыва.

Минут через пять бульдозерами начали поднимать дамбу, чтобы нефть не ушла в речку Уватку.

От этой дамбы предполагалось отвести вали-крылья, которые бы способны были удержать большое количество нефти, растекающейся по земле. «Амбар» в таких ситуациях предназначен для того, чтобы, во-первых, не ступить все вокруг, а во-вторых, значительно сократить потери нефти. А уж из «амбара» ее, голубушку, всегда можно взять.

И далее. Чтобы сбить нефтяную струю, хлещущую, как из брандсбойта, надо было выше по трубе врезать вантуз и через него откачать нефть, то есть осушить «нитку».

Но особенный рельеф этой местности благоприятствовал аварийной бригаде. Если у места прорыва труба лежала в низине, то уже через сто пятьдесят-два метра в ту и другую сторону она шла как бы параллельно, но либо гораздо ниже, либо выше. Поэтому нефть задерживалась и не стекала к месту прорыва.

Вскоре огонь начал спадать и обязательные в других аварийных ситуациях мероприятия были разом отменены. Зачем, например, врезать вантуз и «дырять» лишней раз трубу, если можно обойтись без этого? И «амбар» не понадобился: нефть, скопившаяся в низинке, между прорывом и холмом, удерживала только что отсыпанная дамба.

Тут же было принято решение: подавить пламя грунтом - и мощный экскаватор приблизился к песчанному холму. Ну,

ПЕСНЯ ТВОЯ, ТЮМЕНЬ!



Иван Лыцов

ГЕОЛОГ

Светом крыта, ветром огорожена
Вся моя рабочая изба.
Солнце - топка, звездочки-горошины
Взвила кверху елочка-труба.

Никакой избы иной не надобно,
Никакой иной такой судьбы,
Кроме этой, всей судьбою заданной,
Во всю ширь вселенскую избы!

И когда по воле горькой случая
Поселюсь я в каменном доме,
Стану жить, стихами душу мучая,
Мне тогда скажите самому:

Жестью крыта, мелом разгорожена
Стопятиквартирная изба.
Только лучше, если звезд горошины
Взвила кверху елочка-труба!

1966

Владимир Фомичев

ТАЙГА

Ты где, тайга высокоствольная,
Что не проехать, не пройти?
Да вот она темнеет волнами, -
Мой вертолет над ней летит.

Но вот остался жить в избушечке,
На сотни верст она одна.
И страх насел: «Медведь ведь скушает!
Иль заболелю - что тогда?»
Взяло такое нетерпение
Из чаши броситься в бега.
Но шепчут очага поленья:
«Кругом тайга,
тайга,
тайга!»

1985

Анатолий Кукарский

БАЛАЛАЕЧКА

Тише, музыка электронная,
Тише
требую тишины!
Задуманные пальцы тронули
Балалаечку - три струны.
Три струны -
над сосновой декою.
Над Сосновкою -
три звезды,
Где припевки бросают девочки
В созревающие сады.
Балалаечка,
балалаечка,
Струны на струны перемножь:
Все на свете как полагается -
Либо солнечно,
либо дождь...
Только в сердце опять оттаяли
Три негромких твоих струны,
Словно мартовские проталинки
В зимнем небе моей страны!

1972

Николай Денисов

КАПЛЯ РОСЫ

Выйдешь в поле на травы немятые,
Ты на воле с мечтою крылатою.
Колокольчики под ноги клонятся
И березки навстречу торопятся.
Полететь бы над степью, над рощицей,
Над рекою, где солнце полощется,
Над домами, над черными пашнями,
Над озерами тихими нашими.
И на землю с высот титанических
В корабле опуститься космическом.
Где туман над дорогой хмурится,
Где в степи начинаются улицы,
Где девчонки, как красные яблоки,
Поспевающим соком манят...
Край родной мой - просторы тюменские,
Где вокзалы, и те деревенские,
Где сиянья, как флаги, над чумами,
А в тайге еще - ханство Кучумово,
И на юге - казахи-кочевники
Мирно-мирно пасут табуны.
И поют трактора-оротаюшки
Тракториное зычное «баюшки».
И волнуются нивы о юности
На священной земле стариков.
Выйдешь в поле - трава расступается,
Молодая заря разгорается
И пылает пожаром до полудня
в бриллиантовой капле росы.

1960

прямо все как по заказу.

- И все, что ли? - удивляюсь, помня, какой переполох в связи с этой аварией был поднят в стране. Будто вся трасса разом воспламенилась.

- Ну, нет, - возражает мне Александр Васильевич. - Долго пришлось ждать, пока спадет огонь. У костра-то сидишь - уши в трубочку, а здесь - как лопнувшая домна. На полста метров не подойдешь. Приступили лишь к дальней, что ли, отсыпке, чтобы огонь не переметнулся в тайгу.

Все равно «счастливая» авария, даже если огонь буйствовал день-другой. О чем и заявляю «бугру». Тот не удивился моему вопросу.

- Счастливая... Потому что все было под рукой. Станция-то рядом. И техника этих хмырей из Игрима, что меняют старую трубу. Тоже ошутимая подмога, нечего говорить. А по поводу огня... Ну, знаешь, огонь был летом, всем огням огонь, когда горела тайга. Выглянешь из дома и видишь - над головой, как эрсы, пролетают огромные головешки, - расхохотался он. - А этот-то огонь мы шутя сбили песком. И в тот же бы день залатали трубу, но нельзя: пусть она остынет, иначе скрываются газы и так рванет, что в Управлении прилетишь своим летом. Не на вертолете. В трубе, друг мой, живет дьявольская сила. Лишка-то не двинешь.

То, что воспламенилась нефть, - не трагедия. Гораздо бы хуже было, если бы ею залило Уватку. Вскоре бы она спустилась к Иртышу. Нет худа без добра. Но и разлитая по округе, она не всегда покорна человеку. Даже науке. Томичи, между прочим, давно вывели какие-то бактерии, способные пожирать нефть. Завезли их на одну аварию и в виде удобрений рассыпали по нефтяному разливу. И что же? Не захотели жрать нашу нефть. Пришлось сжигать.

Нефтепровод, оказывается, не так страшен, как его малюет пресса. Страшен продуктопровод, на котором «пашут» девять линейщиков Чучерилова. В чем тут разница? Объяснить не надо, если вспомнить трагедию под Уфой... Два посзда всмятку.

Александр Васильевич на трассе с семидесятого года. Был строителем - три станции на его счету, в том числе Княжевская и Аремзянская. Жена работала здесь, в Нагорном, дежурным электромашинистом. После того, как в семьдесят восьмом году сторела местная «линейка», Валентина Яковлевна перешла на работу в детский сад. В прошлом году она заочно окончила педучилище и продолжает работать со страшей группой. Пятнадцать самых непоседливых и беспокойных «гаврошей» не очень-то, прямо скажем, потрепали ее нервную систему. Валентина Яковлевна спокойна и улыбаива, поминутно беспокоится о госте:

- Может, еще чаю? Может, пообедаем с мужем?

А гостю хочется не «пообедать с мужем» хозяйки, а договорить. Иначе он опять подскокит и - на службу, которую он возглавляет с восемьдесят третьего года.

У них двое детей, причем старшая, дочка, в таком возрасте, когда можно обрадовать родителей внучкой либо внуком. Живут они в полном достатке; держат нетель, свинью, гусей и даже козла с козленком. По местным меркам - это нормальное подворье, рассчитанное на семью. Нетель у них стельная, поэтому скоро Валентине Яковлевне придется взять на себя еще одну заботу - раздаивать молодую коровушку. С молочком жить веселей, как слышал я от кого-то в поселке.

И все-таки у Александра Васильевича «гаврошей» побольше, чем у воспитательницы-супруги. Тридцать человек всех рабочих специальностей, какие только необходимы на трассе. Правда, включая сюда и тех линейщиков, что контролируют нефтехимовский продуктопровод, проложенный несколько в стороне.

И старшеклассников приходится отвозить в Уватскую и Ивановскую школу на бригадном автобусе или «вахтовке». Тоже «почетная» обязанность.

Вот так покрутишься, покрутишься да и сорвешься иногда на крик. А уж бабенки подхватят:

- Князек! Ох и грубоват с людьми, - как будто он обязан расшаркиваться перед каждым ленивцем и выпивохой, - работяги не в счет. Этим он знает подлинную цену.

По-моему, так «бугор» и должен быть немножко барином. Не ходит же ему по поселку, разрытая просточка, в данной спецовке. Тогда совсем заблудится, переборщит, перелицемерит и потеряет уважение подчиненных, точнее, вверенных ему людей. А то, что резок бывает, так это смотря с кем. К достойному работяге и отношению достойное... А всегдашние «сюрпризы» на трассе могут вывести из себя даже человека с железным характером. Срываешься. Мужики это понимают и не имеют, насколько мне известно, претензий к своему «бугру». Аварийно-ремонтная служба в Нагорном поставлена на твердую ногу. Последняя авария - свидетельство тому. Мужики работали на совесть и выложились полностью. Теперь, когда труба остыла, можно вскрывать место прорыва и... Вот тут-то на смену линейщикам приходят сварщики. Я уже знаю об этом, хотя ни с теми, ни с другими не успел еще переговорить.

И все же, кому больше всех достается в аварийных ситуациях?

- Линейщику, - не задумываясь, ответил Александр Васильевич. - Самая каторжная работа.

- Почему?

«По кочану...» Но не сказал вслух, лишь пожал плечами, точно удивленный моей наивностью.

- Мне пора, - поднялся он из-за стола. - Ты можешь отдыхать. Посиди у телевизора, что ли. Ну, я не знаю...

Я вышел следом. Над поселком по-прежнему гудели и постреливали провода. Погода была прекрасной - ни ветра, ни снежной крутоверти. Через час-два поднимутся отоспавшиеся мужики. Кто-то начнет хлопотать по хозяйству, а кто-то, быть

может, отправится к соседу да и врежет там по маленькой. С устатку. Все, как у людей, все по-доброму. Позади, наконец, авария. Даже командированные, загрузившись в «вахтовки», спешат отчалить от случайного для них и чужого берега.

5. В последнюю очередь

Надежда Петровна управлялась по хозяйству. Младший из детей - Санька - помогал матери: что-то подносил-относил, хлопая дверью на верняде. Благо, что хлев рядом. В двухэтажке-ка-то приходится носить корм скетине за целую версту, а в коттеджах не то... Здесь все под боком, на огороде. Работа мальчишке была не в тягость, привычен к труду. Всегда помогает дома.

Хозяйка пришла с подойником в руках. В подойнике - половина.

- Молодая еще... Толком не раздояна, - поставила она подойник где-то за столом и прикрыла сверху марлей.

Ах, как все это знакомо по притворно-оправдательным издохам своей матушки! Та тоже, подояив наших молодух, будто оправдывается перед людьми: чего, мол, с них требовать после первого отела. Зато молоко у таких коровушек густое, как сметана.

Пока Надежда Петровна накрывала на стол в ожидании хозяйки, Санька вынес миску собаке и показал мне детскую. Здесь было очень много книг, причем читанных - не напоказ. Коттедж у них просторный, я расхваливаю, а хозяйка:

- Пол провалился... Володя начал менять балки, а они даже не ошкурены. Поэтому сняли в труху.

Пришел хозяин. Умылся, переоделся в чистое; присел к столу, накрытому, так сказать, по высшему разряду.

- Ну, гора с плеч? - улыбаюсь. - Теперь можно пропустить по стопочке.

- Какая гора? Никакой горы... Заварил дырку. Мне-то что, - разливает водку, - линейщикам хуже. А я в последнюю очередь прихожу.

Долго мы не можем найти общего языка. Ему не до сварки, а мне хочется понять суть его ремесла. Ведь не гараж варит, не могильную ограду - трубу, в которой булгует нефть - или будет бушевать после - под высочайшим давлением. И допуск на такую работу - это только с личным клеймом.

Наконец-то он со мной согласился, и кивает головой: да, раз в году переезжает, ездят в Тюмень. Там варят «катушку», после чего ее просвечивают рентгеном, пробуют на равры и изгиб. Не выдержала, лопнула, скажем, шов - и все, допуска тебе не будет. И не поедешь на переездацию - тоже лишают допуска. Паша вон Сафонов, напарник, приболел нынче, не смог поехать - теперь на «перекресте». Поэтому сварных сюда



М есяда три спустя он снова побыл в своей квартире, так как нужно было что-то сделать с паспортом. Его забрали вместе с пиджаком и деньгами, какие оставались. Надеялся, что подбросили или переслали по прежней прописке, если нет, то, может быть, свидетельство о рождении дома завалилось где.

Дверь открыла бывшая жена. Она совсем была другая, с другим выражением лица. Она сильно растерялась, он никогда не видел ее такой: лицо налилось краснотой, глаза бегают... Отступая от двери, смущенно пролепетала: «Ты, Аркадий... ты не на Севере?» - «Паспорт не... потерял я. Или, может метрики где валяются, посмотри», - только и произнес это, он и сам засмутился. «Нет, документов никаких я не находила, везде перебирала», - ответила она нетерпеливо и нервно.

Он все же успел окинуть взглядом фанерованный блеск своей бывшей квартиры - все казалось чужим. В большой комнате в кресле за журнальным столиком сидел чужой, лысый и усатый мужик в майке, читал газету, покосился в его сторону и отвернулся.

«Так вот она почему такая, - подумал, глядя на большую стопу газет на тумбочке. - Ну, этот прочтет все».

На диване в другой комнате лежала дочь, смотрела телевизор, только на мгноновение оторвала свои подмалеваанные, заспанные глаза в его сторону - даже не поздоровалась, даже не подошла к родному отцу. Кошка только подошла. Потерялась об ногу, замурчала - узнала.

Он взял ее на руки. И был момент, когда ему вдруг страшно захотелось ткнуть этой кошкой в раскормленное красное лицо, чтобы она расцарапала ее, суку, в кровь, но пожалел кошку, затодкал поглубже под лапу, выскочил за дверь.

Так и вернулся в Заполяски с кошкой.

В и настало, к лопаткам через фуфайку, чуял Аркадий, все настойчивее подбиралась прохлада, и ноги, хоть и в валенках, заочнели. Надумал протопить русскую, но вспомнил: в горнице - Стеша. Ругнул себя, что забыл о ней, уехали мысади в прошлое, будь оно проклято, чтоб не думать о нем ни наяву, ни во сне.

Присутствие Стеши начинало раздражать его. При жизни не замечал, есть она, нет ее,

Окончание. Начало в N 2 (15)

занимался чем хотел и как хотел. А сейчас она как будто нащепывала ему в ухо из-за закрытой двери: «Я - там, а ты - здесь, смотришь на звезды»...

Смотрел Аркадий на звезды и поражался: неужели девять лет? Прошли, как один длинный летний день в лесу, когда, бывало... Ах, лес, лес, долго еще ждать тебя, считай, четыре месяца, можно и самому заплутать вслед за Стешей, потому что постоянно болят кишки, задница кровоточит. И как вот теперь без нее войдешь в смолистую прохладу сосен? Без нее там пусто, поди, будет, тоскливо. Он, лес, свел их, кормил все эти годы.

Тайгу Аркадий знал и любил с детских лет, когда в армии попал в туркменскую пустыню,

навыципать в сосняке первых, в пуговку, маслят на жареху, набрать бидончик земляники и чебаков жирных надергать на ушицу. Или рыжики выцарапать из-под земли столько, что солили, и мариновали, и дарили - и это на голой поже, где никто даже не подозревал, что там что-то растет.

И хариусов от нее, от Стеши, научился «выбрасывать на берег», и травы для чая собирать. Хотя и основной «взяток» они не забывали в лесу: он с бадьей, она с двумя маленькими ведерками на коромысле целое лето, как заведенные, обходили свою делянку - от сосны к сосне, подновляли усы, меняли воронки, запечатывали, катали бочки с живицей.

С соснами, с грибами, с лягушками, со всем,

ничего не надо, кроме того, что есть. Надо только это понять, он вот понял. Когда поймут, бросят свои вонючие горда, разбредутся по бескрайним сибирским дебрям - места и жратвы всем хватит.

Живили они добывали в иной сезон по пять-семь бочек сверх нормы, иногда выжимали и по два плана. Деньжат хватало помаленьку на зиму, а если кончались - не тужили, обходились мундирами с капусткой, припасами лесными. Что было, тем и довольствовались. И все же печь Аркадий решил в это утро протопить. Ничего со Стешей не доспелется, сегодня похоронят. Принес пять поленьев, подпалил бересту и, когда хорошо разгорелось, прошел, не зажигая света, в горницу, откинул со Стешиного



ПАТЮКА

(Рассказ)

Сергей Шумский

тосковал, грезил ею по ночам, вдыхаясь от зноя. Отец его до войны еще брал с собой несколько раз на охоту за рябчиками, ловил налимов, по ягду - тайга темным ельником подступала к огородам в их леспромхозовском поселке. И запомнил отца, погибшего где-то на чужой румынской земле, только в таежной, а не в домашней обстановке - в широких чирках-броднях, в галифе с кожаными наколенниками, с берданкой на плече. А потом с матерью они долгие голодные годы кормились тем, что могли взять у тайги.

Но по-настоящему жить научила лесом, теперь Аркадий понимал, она, Стеша. В лесу она «расцветала и молодела на двадцать лет», как сама признавалась, бегала с зари до зари, сухонькая, ладная, подбиристая, как девчонка, - невозможно было не любоваться ею в такие минуты. Бывает, выберутся из шалаша, из-под ситцевого полога, разбуженные птичьим звоном, и успевают за июльский день-денской

что попадалось на глаза, Стеша шепталась. Он никогда не вникал в этот ее шепоток, привык. Но лесная жизнь, которая начиналась у них в мае и заканчивалась в октябре, и его околдовывала, он часто впадал в блаженные мечтания. Казалось ему, что он в вечности, она долетала до него через ночные вздохи вершин, манила. Задира голову в просветы сосен, притягивался глазами к звездам, как Стеша, шепотом спрашивал: что же такое этот мир и кто дарил ему эти ночные блаженства, кто? Кто-то же сотворил всю эту красоту? Неужели бог в самом деле? В бога он не верил. Богом считал своего отца, с которым провел однажды ночь у костра - до сих пор он вспоминает те жуткие минуты лесной немоты. И слова отца запали как откровение, как пророчество: человек из леса вышел и должен в него вернуться. Наверное, так и есть, все беды с людьми происходят потому, что они забыли, чем они владеют на этой земле и кто они сами есть. Если бы люди поняли, что им

лица простынку. За три дня впервые потянуло посмотреть, запомнить. Слабые ответы блуждали по лицу, меняли его выражение. Казалось, вот-вот проснется, откроет глаза... С глубоким вздохом задернул простыню, вернулся, сел перед печью. Нет, больше не откроет, чудес ни на этом, ни на том свете не бывает: здесь живут, там гниют.

Последнее время Стеша частенько жаловалась на боли в груди: Ты уж сам там сготовь чего-нибудь, Арканя, а я полежу еще маленько, - присила с кровати, когда он чиркал спичкой на печи - давала знать, что она давно не спит. - Тянет меня туда, в землю... недолго, видно. А так хочется побегать еще хоть лет пяток, подышать лесным духом, живичкой, ох, хочется!.. Отлежусь и давай-ка в самом деле съездим, перепишем те деньги на тебя, а то я ночами только об этом и думаю.

Когда после смерти матери она перешла к нему, деньги - девяносто рублей от продажи

нагнали больше, чем требовалось. А одному варить нельзя, долго. Обычно, четверо - если врезают кусок трубы, - а так двое: ты здесь, напарник по ту сторону «шва». «Ну, как тебе объяснить?» - разводил он руками, и «рисует» довольно-таки зримую картинку.

После того, как линейщики обнажат прорыв и приготовят место для сварщика, приходит черед «советов»: либо врезать значительный кусок трубы, заменяя поврежденный, либо надевать «хомут». В последнем случае, так как пробойна в трубе была небольшой, решили надеть «хомут»: труба большего диаметра. До «хомута» на пробойну наложили заплатку». Это делается для безопасности, а то малейшая искра - и все воспламенится. После надевают «хомут» и стягивают его десятко-двенадцатидюймовыми болтами.

Гораздо сложнее работать при замене какого-то куска трубы - хоть в десять, хоть в двадцать метров. Много времени уходит на то, чтобы идеально зачистить и подогнать ровные срезы. Но вот стык и грихвачен - и двенадцатиметровую трубу проваривают как бы на три раза. Один шов накладывается на другой. Обычно три шва. Если был вантус, то через него закатывают в трубу разлитую повсюду нефть.

- Здесь, на земле, для тебя рабочее место подготавливает линейщик - вляпть до того, что стронт «блндаж», - говорю Маркову. - Ну, не «блндаж»... Все равно ему метр нужно выдолбить, чтобы ты подлез под трубу и мог на спине варить. А что, если труба логнула в реке? Где-нибудь на глубине? Тогда как быть? - эта мысль пришла ко мне совсем неожиданно, я сам испугался ее: действительно, как варить на глубине?

- А никак. Через реку всегда прокладывается параллельная труба-запаска. Либо ее меняй, либо всю плеть.

Надежда Петровна утостила нас брусничной настойкой. Не на дрожжах, эта ведь была... Одним словом, вещь! О таком чудесном вине вряд ли можно написать обыкновенными словами и на обыкновенном языке.

В обычные дни он здесь, в поселке: где теплотрассу подваривают, где еще что-то... Работа всегда есть. Но вообще Владимир Константинович больше на трассе да на авариях, и так с семьдесят второго года. Здоровья утробил немало, работая то в болотине, то на сылой земле. Может быть, думаю, хоть получает не чета нам, смертным?

- Куда там! - отмахнулась за мужа хозяйка. - За аварии-то нет доплаты, лишь по-командировочному все дешевле - тот же «Собачий корм». Получают по разряду. Бригадная уравниловка. Но в прошлом году, правда, начислили процент за мастерство: чуть больше тысячи рублей. Не ахти какие деньги.

Надежда Петровна ушла в комнату, где дети смотрели «Поле чудес». «Приз-з!» - доносилось оттуда... Лишь папке ихнему никакого приза.

- Отдыхать-то приходится на работе? Рыбачишь?

- Ну, как же! В тайге живем, - улыбнулся он. - Но

нынешний отпуск провел дома. Не охотился и не рыбачил. Зато сделал на сараюшке сеники... Без хозяйства никуда, - продолжал он. - Года два-три назад снабжение было отличным, а ныне дружно переходим на подножный корм. Иначе не проживешь. И разорваться на несколько частей не разорвешься - чтоб и рыбалка, и охота, и хозяйство... Не жадничая. Батя у меня любил повторять: есть, мол, у меня пиджак, двое штанов - и довольно. Не жадничай, а то опять раскулачат, язви их... И я не жадничая.

Володин отец, Константин Алексеевич, был выслан сюда из Кургана вместе с семьей. Здесь он всю жизнь трубил в леспромхозе и, даже когда в сорок восьмом году дали волюнку, не захотел возвращаться на родину. Тридцать восемь лет отдал этому краю. И дети прижились, слава богу.

- Вчера во втором часу ночи подняли, - будто намекнул мне на дремучую усталость хозяин. - Сейчас, наверное, усну.

Глаза у него и вправду сапалась. А из комнаты доносилось «Приз-з! Приз-з!» Какой там к черту приз. Сон для Володи Маркова будет лучшим призом.

«В мае 1968 года...»

Слово о Николае Евгеньевиче ЖЕРНАКОВЕ, начальнике Тобольского управления

О Николае Евгеньевиче можно написать солидную книгу. Уж чего доброго, а содержания-то в его жизни, как говаривал известный литературный герой, достанет на четверых.

Но так вышло, что в юбилейном для Управления году раз за разом укладывают Николая Евгеньевича на больничную койку. Появится на неделю, развяжется с накопившимися делами и обратно в палату. Здоровье уже не то, и дико подумать, что не на себя, не на собственную семью потрачена целая жизнь, - она отдана беспощадному для человека делу.

И теперь он не знает, когда выпишется, поэтому торопится сказать о других. Называя человека, тут же выдает емкую характеристику в двух-трех словах. Лишь успевая записывать. И даже о тех, кого уже нет на трассе, он предпочитает говорить как о своих ребятах.

- Нет? Подумаешь - уволился! И ты бы уволился, если б пахал на трассе по двести пятьдесят дней в году, а вернувшись домой, подолгу бы доказывал собственным деткам, что ты их отец. Поневое уволишься. Зато работал человек, и работал так, что не грех вспомнить.

Особенно он обиделся за базу производственного обслуживания, о которой я умудрился не сказать ни слова.

- Это - не трасса, но начинали ее в пригороде, на пустом месте, где «плавал» в сапогах-болотниках... Ну, как об этом расскажешь? На каком языке? Теперь же на топких пустырях мастерские, транспортный цех, база орс, флот, прикреп-

ленный к нашему управлению. Всего не перечислишь.

Конечно, я все это утуту. Но гораздо обидней, что о самом-то Николае Евгеньевиче мне придется писать после того, как он уедет в больницу. Уже звонили, торопят, а он еще здесь... И со всеми договаривает как бы на ходу, точно боится кого-то обидеть перед отъездом, оборвать на полуслове. Человек он несуетливый, спокойный, обходительный, из тех, кто располагает к себе даже после короткого общения. Но нет, он не прост. Поэтому многие из просителей не идут дальше приемной, не в силах перешагнуть через собственную, прямо-таки врожденную робость перед начальником. И благо, что он сам замечает это, и тут же, узнав в чем дело, отправляет человека по нужному адресу. Такой «хозяйин» многого стоит, ей-богу.

Николай Евгеньевич Жернаков родился 7 сентября 1939 года в деревне Жернаково Ялуторовского района Тюменской области, в крестьянской семье.

Свою трудовую деятельность начал в колхозе. Проработав два года, был призван на воинскую службу. После демобилизации в 1961 году поступил в Омский автомобильный институт, из которого через год «перевелся» на Омский же нефтеперерабатывающий комбинат. Здесь он работал слесарем, машинистом, а с 1965 года механиком установок. Работал и учился на вечернем факультете Московского института нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина, диплом об окончании которого успешно защитил в 1967 году. Решением Государственной экзаменационной комиссии ему присвоена квалификация инженера-механика.

Удивительно, с каким трезвым отношением к самому себе он начал жить. Ни одного впуску прожитого года, все выверено и подогнано вплотную. Другой бы с удовольствием протирал штаны на дневном отделении института, а этот пошел работать. И по вечерам, возможно, надевая и недосыпая, терпеливо учился, как могут только дети из хороших, но бедноватых семей.

Получив диплом и, будто впридачу к нему, приличный трудовой стаж, он уже не мог остановиться на достигнутом, не такой человек.

И вправду:

«...В мае 1968 года предложил свои услуги руководству Тюменского УМН и, получив должность, выехал в Тобольск».

Начинал он на новом месте главным механиком производственно-технического отдела. «На новом месте» - совсем не значит «сидеть». «Место» в данном случае не привязано к конторе. Это «место», напротив, как Фигаро здесь, Фигаро там - ни покоя, ни постоянного угла.

Главному механику приходилось неделями жить и работать на трассе.

«В 1969 году строили нефтеперекачивающую станцию в Абатском, где я жил основное время, - вспоминает Николай Евгеньевич. - Здесь я и женился. Сыграли комсомольскую свадьбу. Среди свадебных подарков был и такой - бутылка с нефтью. Но, как и должно быть на свадьбе, одной бутылкой дело не обошлось. В самый разгар веселья звонит оператор:

своей хоромины - отвезла Стеша специально подальше, в городскую сберкассу, чтобы не тратить без толку. Хотя все равно иногда снимала: то валенки купить себе или ему, то одежду какую. А переписать так и не собралась. Теперь пропадут, так как не расписана да и без паспорта он. Ну и пусть пропадают, раз так вышло. Что такое четыреста рублей в наше время - два ящика водки по новым ценам. Пусть государству достанутся.

Фиса укоротила Стешину жизнь, выпивать ей нельзя было совсем, она знала и все-таки прикладывалась со своей любимой подругой. А той сивой кобыле хоть ведрами подноси - выпьет, не изболелась.

С рассветом Аркадий весь был в хлопотах: забежал к Фисе и Поле, наказав варить-стряпать, деньги выдал, чтоб прикупили чего в лавке. На станции упрямил Пашу и еще двух мужиков вырыть могилу, сунул им («чтоб пробить мерзлоту») запотевшую бутылку белой. И рванул трупной в совхоз - за гробом. Мороз стоял за сорок и вроде как с ветерком, хотя ветерком скорее обдувало от ходоубы. Прихватывало нос, щеки, колени деревенели, ватники надеть не догадался. Хорошо, хоть до переезда парень подвез на «Беларусе».

Но с гробом вышла запоздачка. Столяры в мастерской развели руками: гроб вчера ушел к другому - старичка тут хоронили и они отдали, пришлось как раз по росту. Сам же обещал вчера забрать, а не приехал. Пришлось и тут выгнать оттягивающую штаны бутылку, которую сразу же и распил. А распивши, принялись за дело: завыл футочный станок, завизжала циркулярка - через час был готов новый гроб, источал запах смолы. По душе он будет Стеше, этот запах...

Но пока искал okazji, чтобы довести, прошло больше двух часов. А когда привез и побегал на кладбище, то аж присвистнул, потому что могилу рыть и не начинали. Черным дымом полыхали на снегу две крышишки, а мужики еле тепленькие сидели в конторке химподсопки. Гоша уже никого не узнавал, а смотрел в потолок и мычал.

И Аркадий понял, что и сегодня Стешу не похоронить. И не потому, что могила не готова, мужиков можно было расшевелить, еще кого попросить - патока помешала.

С патоккой этой всегда какая-нибудь ситуация приключалась. Стоило ей появиться, бабки в Заполях шалели, да и в поселке люди бежали, как по тревоге: пришла патокка, надо не зевать,

хотя многие ею запаслись на пятилетку вперед. Коровам, свиньям добавляли в корм, а в основном шла на бражку. Но на этот раз особенно много было суматохи: как только эти три цистерны оказались в тупике - все бросились к ним, не дожидаясь бульдозера, расчищали снег, готовили подъезды и подходы, бабки переругались вдреизг, до стыхчек доходило.

Отвозили патоку три «Зилка» и два «Беларуса» с самосвальными тележками. А в промежутках между ними успевали с санками люди - толкались под громадными бочками, неповоротливые, закутанные в шали, платки и шапки от свирепого мороза, - наполняли ведра, тазы, фляги.

Из одной цистерны патоки много выплыло прямо в снег, кто-то из шоферов забыл перекрыть шанг. Дорога до переезда и дальше, к животноводческому комплексу, вскоре сплошь была уляпана рыжими ошметками, жгутами, шнурами, брызгами.

Посмотрел Аркадий на этот бесхозяйственный пир и отправился домой за санками. Подготовил бочку, выпрянул из нее куски хлеба, остатки комбикорма, если запасаться патокой - так запасаться, тем более, последний раз, не будет больше. А Стеша подождет, не к спеху ей туда, ее место не займут.

Разгрузку к вечеру закончили, но патока продолжала течь тонкими струйками. Под одной цистерной кто-то догадался развести костер - струя пошла потолще, стекала со стен застывшая. Аркадий развел костер под второй цистерной, подождал часа полтора и нацедил таким образом полную флягу.

Когда вез домой и передыхал под береговым подъемом, услышал голос Анны Павловны, которая кричала кому-то:

- Запились! Все запились, господа, хоть бы ты их наказал, пьяниц проклятых! Пятый день лежит, киснет, похоронить некому, грех-то какой!..

«Ух ты, ведьма, подожди, попросишь дрова исколоть, я тебе!» - пригрозил ей Аркадий кулаком.

Не успел привезти и закатить флягу в кладовку, примчалась Фиса, с пунцовым от мороза лицом, с заиндевелыми космами.

- Ой, Аркадий, что я услышала сейчас... - плюхнулась на скамеечку у печки. - Сима говорила, будто милиция приедет проверять, у кого эту патоку найдут... прятать куда-нить, прятать быстро! Я забрасала в сарайке дровами - три ведра все-таки и во фляге у меня... чуть не полна, считай... Посадят еще на старости лет. - Спрятали, ага, так они с собакой придут,

унюхают, знаешь, какой у них нюх на сладкое, - говорил Аркадий, натужно откашливаясь от дыма, чтобы спрятать улыбку. - Хых ты... по году за каждое... же!.. ведро.

- Ох-хо, неужто правда? Пугаешь ты меня, поди?

- Вот-вот должны нагреть с обыском, - и не выдержав, расхохотался, а насмеявшись, со вздохом произнес: - Эх ты, преступница!..

- Раньше-то никогда чужого не брали, а тут... все ж тянут!

- Там, в городах, машинами, вагонами воруют и не замечают. Кому мы на... нужны, им просто не до нас.

А сам подумал: а вдруг и в самом деле нагреть? Начнут шариться по дворам: у всех - патока! И всех - в тюрьму, две деревни! За сладкое и посидеть можно, даже приятно. Ему захотелось посидеть в тюрьме.

Утром Аркадий постучал к Анне Павловне. На подходе к ее калитке обнаружил следы патоки.

«А-а, и ты!.. - взвырало в нем злорадство. - Сейчас я тебя...»

Когда шаги приблизились с той стороны, он напряг шею, проговорил не своим голосом: - Милиция, открывайте.

- Какая еще милиция, зачем? - Анна Павловна, открыв калитку, стояла в накинута на плечи фуфайке, растерянная, бледная. - Ты... чего пугаешь? Я ничего не украла.

- Да смотрю, и у тебя патока, - показал он ногой на рыжее пятно, стараясь смягчить свою выходку. - Вчера слух прошел, будто милиция собирается к нам - патоку изъять.

- Мне Вера привезла, корова что-то плохо стала есть.

- Я ведь с просьбой, Анна Павловна, выручи, дай баночку сметаны, Фиса стряпней там занялась, без сметаны, говорит... Ты вчера... Я слышал, ты права, сегодня похороним.

Сметаны Анна Павловна налила литровую банку, руку с... ем молча отпихнула, хотя за молоком драла со всех по сорок копеек - в Заполях только она держала корову.

- Ладно, позовешь дрова колоть... - пробормотал Аркадий.

И дорогой бормотал, молил: хоть бы черт ее не занес, терпеть он ее не мог. Да и бабки ненавидели за эту жадность, ну и за страсть судить каждого, когда все давно сами себя осудили.

Похоронили Стешу уже в сумерках, когда

над краем туманного морозного неба затухала красная полоска. Все заполяские бабки, кроме Анны Павловны, пришли проводить, молча, без привычных слез и рыданий, постояли у развернутой земли, прежде чем опустать туда гроб из голых досок с блестящими шляпками от гвоздей. А потом помянули нешумно, честь по чести, как положено по русскому обычаю.

Поздно вечером, оставшись вдвоем с Фисой, Аркадий всплакнул немного.

- Поплачь, Аркадий, слезы смягчают, - подержала его и Фиса, прикладывая концы платка к глазам. - жалко Стешу. Одинокие мы теперь. И все в Заполях одинокие - мы, старухи, да ты среди нас, как петух. Я сколь годов уже одна и одна, куда деваться? Пересоло - сама и выхлебаю. Перемрем, и в Заполях никого не останется, опустеют, столкнут, как вон Воскресенку или Болотово - перепахали, полем сделали. Гибнут деревни наши, видно, к одному коню все идет.

- Эх, старая!.. - говорил Аркадий слабым голосом. - Кто я такой, по-твоему? Сельский бич, без паспорта, без... А ты знаешь, что со мной произошло, если рассказать!.. Заплати я за сладкую жизнь. Э-э... ты думаешь, они, те, лучше нас? Да они - тьфу, пададь, гниль человеческая! - махнув рукой, потянулся к бутылке, он хотел поведать Фисе о своей семейной драме, но тут же раздумал.

- Пляскай, Аркадий, захоронела я. Выпили, посидели в молчании и отстраненности, и Фиса, взмахнув руками, с трудом оторвалась от стула, подалась домой спать.

Аркадий сидел неподвижно, вслушиваясь, пока доходили звуки из сеней и со двора, потом в звенящей тишине ему стало невыносимо тяжело и пусто, ему казалось, что он один-единственный остался жить на земле. И было такое предчувствие, что вот-вот что-то произойдет.

И вдруг в самом деле раздался треск, хоть несильный, но резкий, сухой - он даже вздрогнул весь, огляделся. И сразу догадался: трещала старая изба от мороза.

Закурил, жадно затянулся, уставившись в белое от куржачка окно. В узорах инея разглядел лес, блики солнца на стволах и листьях, даже запах хвои почуял...

И размышлял: вот пережить бы эту стужу и снова - в лес на все лето. Сил для жизни и у него, понимал, осталось немного. Но лишь бы снова выйти в наступель солнцем бор, а там - как будет, так и будет. Потому что, если разобраться, он только там, в лесу чувствовал себя человеком.

лопнула задвижка на камере скребка. Так что на моей свадьбе нефти было больше, чем шампанского».

Не успел он еще толком попривыкнуть к новой должности, возглавив производственно-технический отдел, как был тотчас переведен на более высокую, хотя... Может, более самостоятельную и ответственную?

«В мае 1970 года стал я начальником станции Вагай. Станцию лихорадило...»

Не знаю, как станцию, но, будучи родом из Вагая, прекрасно помню, что года за три-четыре до этого округу потрясла жуткая новость: на станции сгорели до десятка рабочих, головешки от которых привезли зачем-то в сельский морг - «анатомку». Не поверив этому, мы, ребятнишки, бежали под гору «смотреть мертвецов». Поэтому многие годы для меня нефтепровод являлся символом зла. А ведь сгорели-то они, как говорили позже, по-глупому: какому-то придурку вздумалось «разогреть» замерзшую в ведре сольрку и он поставил его на раскаленную печь. Люди спали в избушке и после взрыва никто не успел выскочить из дверей. И в дальнейшем на этой станции порядка действительно не было, если судить о приезжающих в Вагай мужиках - на «станкетках», всегда под мухой, какая уж там работа! Но, странное дело: они вели себя безупречно, будто люди совсем из другого мира, и никогда не разводили пьяных шабашей. Таких нельзя было не уважать.

«Согласившись на эту должность, про себя решил вывести ее (станцию) в передовые».

Сделал правилом справедливость по отношению к людям, порядок во всем, наладила строгий пропускной режим, пожарную безопасность.

Ночные проверки дисциплинировали людей. Если приходилось наказывать за нарушение, то не делал исключения и для друзей. При аварийных остановках агрегатов и днем и ночью лично шел на станцию и вел за собой всю «армию» ИТР. Не всем это нравилось, конечно, но принцип справедливости восторжествовал.

Очень много пришлось строить собственными силами - и производственные объекты, и жилье. После работы людям где-то было собраться, отдохнуть, посмотреть фильм. Пришлось перекроить здание бани и, в конечном итоге, мы получили клуб, библиотеку, баню, прачечную... Ночью дорога из поселка на станцию тонучая в темноте - сделали освещение, чтобы людям удобнее было ходить на работу.

В свободное время я занимался огородами, в сезон охоты бродил с ружьем, играл в шахматы. Зимой не забывали о детях - делали каток. И сам я катался на коньках...»

В семидесятом году у Николая Евгеньевича и Марии Федоровны родился дочка. Назвали ее красивым именем Евгения.

После того, как станция действительно стала передовой, Жернаковы вернулись на круги своя, то есть в Управление, где Николаю Евгеньевичу предложили должность главного инженера. Все, кажется, у них было по-старому... Нет, не все. После Евгения родился сын и в 1973 году ему исполнился

годик. Сына назвали Сергеем.

За пять лет на чужой, казалось бы, земле он обрел многое - и любимую работу, и семью. Какого же еще счастья желать нормальному человеку? Судьба вела в гору, причем как баловня - за руку.

«Будучи главным инженером, строил и вводил в эксплуатацию Уват-2. Стройка была сложная, с большим количеством брака в работе. Имел много замечаний, я как председатель рабочей комиссии долго не подписывал акт. Нас, неподписавших, пригласили в Тюмень, где было много «больших дядей», и заставили подписать. По иронии судьбы эта насосная станция потом сгорела...»

И на новой должности он оставался по-прежнему неуемным человеком.

И вот уж «летит» из Управления магистральных нефтепроводов Западной и Северо-Западной Сибири очередной Приказ, датированный 12.07.1977 г.: «Утвердить тов. Жернакова Николая Евгеньевича начальником Тобольского нефтепроводного управления, освободив его от занимаемой должности главного инженера...»

За период работы в Управлении... сооружены и приняты в эксплуатацию четыре нефтепровода...

Много сил и энергии отдал в создание производственной базы в Тобольске.

Жизнь проходит, здоровье... Хотя ему всего лишь 54. Дети уже взрослые. Пора бы утихомириться, попридержаться свою беспокойную натуру. Но куда там! На трассе тутовато с жильем. Нет, не в том смысле, что жить негде, - жилье надо менять. Вместо полусгнивших бамовских - строить капитальные, как в Армавире, дома. Кому строить? Опять Жернакову. Слишком много проявлял он инициативы, слишком аккуратничал, поэтому работяги разучились мыслить и поступать по своему разумению. Так что и в больничной палате не придется «отдохнуть», почитать книжки, отвлечься - к работе прикован будто цепью.

Уезжая в больницу, сказал:

- Может, через неделю выпущусь. Тогда добро пожаловать на беседу.

А мне страшно подумать об этом. Ну, что еще после всего, о чем я написал, можно «сгрузить» на этого человека? И без того непомерная ноша, которую он взвалил на себя четверть века назад.

Дай бог ему здоровья. Хотя сам он отмахивается, дескать, а, что там сердце - кладут на обследование, но с сердцем-то как раз шутить нельзя.

«Где «плавали» в сапогах-болотниках»

Управление расширялось, набирало мощь. Но даже на пятом году станционное оборудование и грузы приходилось складировать под открытым небом. Нужна была производ-

ственная база. И строить ее предстояло на топком берегу Иртыша: здесь был флот, занятый на основных грузовых перевозках, объем которых увеличивался год от году. Да и технику, разбросанную по разным площадкам, требовалось поставить под одну крышу.

В начале семидесят третьего года Юрий Михайлович Пашкин наконец-то отыскал нужного человека и привез его к заваленному оборудованием берегу.

- Принимай «базу» и флот. Начинать работать. Чем могу, тем буду помогать.

Этим человеком был Анатолий Степанович Поляков, к тому времени не одну навигацию проплававший по северным рекам судовым механиком. А поскольку «база» располагалась едва ли не одним лишь флотом, то и выбор пал на него, бывшего речника.

Через неделю подтащили сюда вагончики. Один предназначался для сторожа, другой отвели под «контору» - начальнику и диспетчеру.

Анатолий Степанович вспоминает:

- Грузы и оборудование поступали сюда с железнодорожной станции. Что за грузы? Задвижки, тройники... Здесь же, под открытым небом комплектовали блок-боксы, которые отправляли на места строящихся энгэзсок водой. Для этого были предназначены четыре катера «Костромина» и «Ярославца» с-баржами. Продукты нефтепроводчикам доставляли на двух самоходках. Одним словом, обыкновенная перевалочная база, где ничего не придрерживали - отправляли по назначению как бы транзитом. Не только складских помещений, - дороги сюда не было и рабочие с трудом прорывались на «Уралах». Обедали в столовой рыбозавода... Надо было приступать к строительству капитальной базы, особенно не надеясь на поддержку управления. Какая к черту поддержка! Главную-то контору едва лишь начали студенты из Донска, а строительный отдел, можно сказать, был прописан на трассе, расширяющейся с каждой очередью. Начали мы с гаража и котельной, которые закончили в семидесят четвертом году.

Позже на флоте появились еще две «наливнушки», доставляющие на «севера» горючку.

Построили склады ОРСа, столовую, овощехранилище... За три-четыре года Анатолию Степановичу пришлось поработать на разных должностях, пока его не «приставили» замом к новому начальнику.

А незадолго до этого флот возглавил Николай Егорович Валовиков. Сразу же оговорюсь: этот добросовестнейший человек проработал на базе шестнадцать лет и совсем недавно вышел на пенсию. Основные объемы перевозок выпали как раз на его долю. Например, Кедровую полностью комплектовали здесь и доставляли на место водной. Иного пути не было, разве что по зимнику.

Николая Егоровича сменил Иван Петрович Пуртов,



НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

впервые на экваторе. Нет для них и грамот Нептуна - на память. Нет и все!

- Я сказал капитану: надо бы дать гудок! Он говорит - не надо. Сколько можно? - сочувствует нам старший механик Злобин.

Понимаю: все идет от «нез-я». - Вопрос о женах! - как-то воскликнул Криков. И я припоминаю его горькое повествование. Стоял пароход на ремонте в Болгарии. Полтора месяца шел ремонт. Рядом были чехи, немцы, венгры, поляки, югославы. Ко всем морякам тех судов могли приехать и приезжали жены. И только советским женам было запрещено.

Есть пароходные компании, что берут на себя заботу, за свой счет, встречу мужей-моряков и жен их, когда судно стоит длительное время

пошли плавать, а не на скрипках в филармониях играть...»

Или вот такой характерный для флота подслушанный разговор:

- Что-то желудок беспокоит! От колбасы этой, что ли? Вчера с вечера заболело и не отпускает. Думал, утром полегче будет, не проходит.

- Обратился бы к доктору, что-нибудь даст, полечит.

- Ну его доктора!

- А что так?

- Так ведь запишет в медкнижку, а потом бегай по врачам, проходи комиссии. А последствия? Э-э! Был у меня друг. Ну пришел из арктического рейса, пожаловался в поликлинике: что-то плохо спал, бессоница мучила.

- А что болит? - спросил доктор.

- Да ничего не болит, ответил друг. - Тогда доктор дал направление

немного...

Поднимается стармех Злобин. У него свои проблемы: переработка машинной команды. На стоянках, в портах, когда ведут ходовой ремонт, профилактику, механики, мотористы работают по 16 часов в сутки. Какие тут экскурсии по достопримечательностям!

Криков: сокращать команды надо за счет чего-то! Например, механизации и автоматизации работ, лучшего инструмента! Посмотрите, чем мы работаем? Я наблюдал в Гамбурге, как немцы меняют часть борта изуродованной при столкновении кормы. Приехал человек, «нарисовал» мелом на борту. Вырезал. Пришел другой человек для зачистки. У него в ведерке набор зубил. Он меняет их в доли секунды, когда нужно для обработки

ная, морально и нравственно чистая душа предполагает и соответствующий дух, поступки. Но это в идеале, как не грустно сознавать. В реальной жизни моряка - макаки, беготня за тряпками, за дефицитом.

В такие он условия поставлен. Как и все мы!

20

Возле острова Зеленого мыса ходят зеленые волны.

Мы спускаем на воду шлюпку, которую как цепочку, начинает курдуть с гребня волны на гребень, из провала - в провал. Орут чайки, много чак. И крики их становятся настолько осязаемыми, будто попал в другое пространство, другую стихию. При полном ходе океанского судна, при его громадности и мощи ничего тако-

Ревущие сороковые

Морские записки 88-го года

19

В девятнадцать часов сорок две минуты прошли экватор. Раз - и переваляли в Северное полушарие планеты. Бросили с доктором с крыла мостика несколько иностранных монет Нептуну. Откупались, так сказать, за все грехи наши. Ни гудка, ни объявления по трансляции. Вот они «морские традиции», о которых мы постоянно говорим с Криковым. Все к чертовой бабушке идет под откос, Эх, капитан, эх, первый помощник!

Рассуждаем с доктором о том, что уж если нельзя праздник перехода через экватор проводить с крепкими напитками, как было раньше, то можно разработать новый сценарий - с квасом, кока-колой, в конце концов! В экипаже пять человек, которые

Продолжение. Начало в NN 13, 14, 15

в каком-нибудь порту, например, в Гонконге. Жены и родственники прилетают туда на самолете.

При всем при том, у советских моряков самая низкая зарплата среди моряков развитых стран. Но слава богу, говорят мореманы, что еще командовать пароходами доверяют людям с высшим морским образованием, специалистам. Дай полную волю чиновникам от флота, они поставили бы на мостик специалиста «по руководящим вопросам». И нашлись бы умельцы. И зарплату бы себе установили соответствующую и привлекли, и валюту, и свободный выход в любом порту. Да нет, думаю, море-океан - это не тихая заводь, не дачный пруд с карасями. Здесь бывают, и не столь уж редки, штормы да ураганы со всеми вытекающими последствиями. «Не будь их, - как, помню, иронизировал один бывалый моряк, - все бы евреи

к невропатологу. А тот возьми да и отстрани его на полгода от плаваний. Так что лучше не рисковать, если хочешь плавать, не жаловаться врачам на свои недуги... Спроси моряка, который хочет плавать, да еще доработать до пенсии, ничего у него не болит. У любого!

Опять сидим на открытом партсобрании. Капитан рассказывает как сработал экипаж за минувшие полгода. Первый рейс - бразильский кофе, какао-бобы принесли большую прибыль. Сэкономлено время, но рейсовое задание недо выполнено, поскольку неразумно спланировано. Нынешний рейс идет с недогрузкой 300 тонн. Могли взять в Сантусе контейнеры с кофе, но пароходство не дало добро на этот груз. Может быть, в Европе возьмем эти 300 тонн для Союза. Не возьмем, летят премии в инвалюту и чеках. Что-то заплатят в соврублях, но

краев... У нас одно зубило. Вот и пороботай им... А посмотрели бы на Канонерке, как уродуются ремонтники! Да после восьми часов работы мысль у них не о концерте и театре, а - где «засадить» стакан водки?! Людей сократили в экипажах, производительность вроде бы повысили, возросла интенсивность - на износ! - при той же зарплате. Причем, когда старый наш флот требует большего досмотра, догляда.

Знакомился перед самым собранием у помполита с планами партмероприятий на июнь-июль. Все тоже, как и было: поднять политический уровень, улучшить, организовать... Изучить то, изучить другое. Откликнуться делами на решения... съезда, партконференции, пленума... А в идеале бы! Воспитание - поэзией, искусством, живописью, музыкой... Речь идет о душе. А высокоорганизован-

го не ощущаешь - ни нутром, ни зрением. Заводим мотор, трогаемся - в брызгах и дыме из выхлопной. Глянешь вперед и замирает душа: то там, то там среди волн мелькнет, как нож, как ятаган, острый спинной плавник акулы. Сидим притихшие, сосредоточенные.

Впереди, в метрах в пятистах, покачивается на волнах встречный сухогруз Балтийского пароходства, с которого мы должны взять себе на борт проверяющего - капитана-наставника Синцова. Нагону подруливаем к подветренному борту судна, капитан с чмоданом спускается по штурмтрапу. Его подхватывают сильные руки матросов нашей шлюпки...

Вся эта операция происходит в пределах часа. И вот мы опять, гуднув на прощание идущему в Южную Америку «коллеге», движемся вперед, в Европу.

бывший кап с «Тоболячки», которому, конечно же, легче работать. Потому что флот ныне сокращен почти вдвое - с девяти единиц до четырех. Он блестяще исполнил свое предназначение в годы интенсивного строительства нефтемагистралей и «подал в отставку», чтобы не быть неоправданной обузой.

Итак, вернемся к семидесятому году. В этом году производственную базу возглавил Михаил Григорьевич Курбатов, человек не случайный, трассовик, причем с семилетним стажем. При нем-то и развернулся по-настоящему на строительных площадках.

Гаражи, холодильники, контора, склады... К восьмидесяти первому году база была уже базой с капитальными постройками из кирпича и «рифленки», заасфальтированная полностью. Работала бригада в десять-двенадцать человек, а на монтаже еще меньше - пять-шесть. Единственно, чего не доставало - хорошего подъездного пути: надо было строить железнодорожную ветку.

Через год закончили с РЭБом. Под одну крышу свели механический цех, токарку, кузничу, здесь же - ремонт двигателей.

Отработав с Курбатовым десять лет, Анатолий Степанович перешел в Управление. Нынче он, как мне сказали, отвечает за охрану труда и пожарную безопасность. Без него уже сдавали автомастерские и орсовскую двухэтажную контору.

Михаил Григорьевич завершил дело, начатое бывшим замом с двух вагончиков. Теперь под его началом мощное хозяйство. Одной техники единиц под семидесят! И работы не какие-нибудь там «средненькие», а известные по всей трассе. Словом, золотой фонд, резерв Управления, готового в любую минуту бросить его на самую сложную аварию.

Михаил Григорьевич Курбатов родился в 1934 году в д. Мурза Уватского района. Начинать связистом в Демьянске, а в августе семидесяти первого возглавил нефтеперекачивающую станцию. Через семь лет был переведен в Тобольск, где трудится по сей день. Жена у него на пенсии... Не так давно они потеряли единственного сына Василия, который работал областничком - есть такая работа на трассе - наблюдать за нею с воздуха, то есть с вертолета. Теперь это позади, хотя болит рана. Как позабудешь? В горькую годину поддерживали их, не дали пасть духом, кругом - не чужие... Все-таки более двадцати лет Михаил Григорьевич проработал в коллективе нефтепроводчиков, среди людей, на поддержку и дружбу которых можно всегда рассчитывать, особенно если ты в беде.

Закончить же этот материал я хочу рассказом о человеке, по чьим чертежам возводились первые стройобъекты - от гаражей и овощехранилища до здания самого Управления, законченного в семьдесят пятом году.

Виктор Иванович Неумоин родился в 1930 году в Горьковской области (д. Александровка). После окончания Поволжского лесотехнического института уехал в Хабаровский край, где работал начальником лесопункта, а позже

возглавлял стройку: дороги, жилье для леспромхоза. В шестьдесят втором году он с женой Антониной Захаровной и дочерью переехал в Тюмень. Работал на местном автозаводе. Вскоре ему предложили работу в Тюменлесстрое, но в столице деревню пожить не пришлось - проехали в Уват. В строительном-монтажном управлении Виктор Иванович работал начальником техотдела, два года «ходил» в секретарях. В шестьдесят восьмом году перебрался в Тобольск. Здесь он - главный инженер ПМК Междолострой заступил панельный цех, налажено строительство коровников, но... Видимо, так суждено - «жить на колесах». В семидесяти первом году он переходит на работу в Управление магистральных нефтепроводов, где возглавляет техотдел. Жена - здесь же. У них уже трое детей: в семидесятом родился сын...

В этом году в себя документация из Сургута была перевезена в Тобольск. Фактически, все только начиналось. Строили Альметьевскую «нитку», тянули Куйбышевскую... И разве забудешь, как в семидесяти третьем году при испытании нефтепровода в Сетово отказала задвижка? А как он вывалился из вертолета с пятиметровой высоты, когда все решило, что уже приземлился и кинулся в дверь, «распахнутую настезь»? В эту же пору начинали производственную базу и он, как заместитель Жернакова по строительству, должен был предоставить работягам необходимые чертежи. Короче говоря, работы было всегда вволю макушки. Во вседневной суете прошли лучшие годы... В 1988 году Виктор Ивановича проводили на пенсию. Но он недолго отдыхал, - вернулся и руководит линейно-технической службой. Что это за служба? Курирование строительства нефтепроводов и реконструкция. Жена, правда, работает ныне в стройбанке, она - хороший экономист.

Как-то незаметно выросли дети. Старшая дочь Татьяна окончила Казанский химикотехнологический институт, работает на тобольском нефтехиме. Замужем. Сын на пятом курсе Ленинградского химикотехнологического института. А со Светланой, второй дочерью Виктора Ивановича, я давно знаком: мы вместе работали в газете. Теперь она, кажется, преподает в гимназии, увлекается резьбой по кости, на чем зарабатывает деньги.

- Много? - поинтересовался я у отца.

- Много, мало ли, - не без гордости за дочку ответил мне Виктор Иванович, - но уже трижды смогла съездить за границу. За свой счет.

Да, Светлана - самостоятельный человек. И - весьма «капризный»! Что не по душе, сразу не заставишь сделать. Хороший, вернее сказать - талантливый фотокорреспондент, она ушла из газеты, не желая исполнять «заказы», противные ее духу и вкусу.

Какой бы «колесной» ни была жизнь у Неумоиных, но детей они смогли вырастить, воспитать и выучить. Воистину семья! И к этому мне более нечего добавить. Все ясно... Как белый день.

Слово об Анатолии Яковлевиче ПАТРАХИНЕ, работнике диспетчерской службы

Диспетчерская... Нефтепроводная схема на стене... Компьютер... Телефоны... Селекторная связь со всеми объектами на трассе... На дежурстве - Анатолий Яковлевич Патрахин, он уже более двадцати лет в Управлении, диспетчер с огромным стажем. Нашу беседу то и дело прерывают телефонные звонки - диспетчер делает какие-то записи в «дежурных листах».

- В этом и суть: контроль за работой нефтепровода. В основном, следим за давлением и нагрузкой работающих агрегатов. Через каждые два часа со станции поступает в диспетчерскую необходимая информация. Составляем сводку и передаем в Тюмень. А уж из Тюмени сводка уходит в Москву. Кроме этого - постоянная связь с вертолетом, работающим на трассе.

Диспетчерская служба подчинена Владимиру Николаевичу Кузнецову, заместителю начальника Управления по товаро-транспортным операциям, специалисту опытному, проработавшему здесь семнадцать лет.

Единственная служба, где, на мой взгляд, нет «новобранцев»: пять человек и все - со стажем не менее пятнадцати лет. Старший диспетчер Анатолий Иванович Ариничев отработал уже двадцать три года. Жена Екатерина Петровна была связисткой, ушла на пенсию. Сын работает электриком, дочь учится в пединституте.

Анатолий Кириллович Ходасевич приехал в Тобольск двадцать пять лет назад - и все на одном месте, со дня, так сказать, организации Управления. У них с Таисией Петровной трое детей. Сергей работает у строителей и вечерами учится в местном филиале Омского политехнического института, Андрей - тоже «вечерник», но работает в отделе АИТ. Дочь Елена студентка пединститута. Кроме детей у Ходасевичей уже трое внуков. Семья большая, образованная. И особое уважение вызывает то, что учатся сыновья за свой, а не родительский счет.

Сам же Анатолий Яковлевич Патрахин до прихода в Управление закончил культпросветучилище, занимался фотокинодолом, более тринадцати лет проработал в кинотеатрах города. «Занимался у нас один дед историей Управления, я отдал ему метров шестнадцать киноплёнки - и все пропало без следа», - жалеет Анатолий Яковлевич.

У Патрахина две дочери. Старшая Ирина работала у строителей... Младшая живет с отцом. Она закончила с отличием Омский химикотехнологический техникум, работает в центральной лаборатории нефтехимии и заочно учится в институте. Светлана хорошая хозяйка, дом, собственно, держится на ней.

Более семнадцати лет работает в Управлении Владимир Павлович Иванов. Он пришел сюда с дипломом мореходного училища, но позже заочно окончил Тюменский индустриальный институт. У Ивановых двое сыновей: старший отслужил «срочную», младший - учится в школе.

Чуть меньше диспетчерского стажа у Вячеслава Федоровича Побегалова. Он тоже закончил «мореходку», в последствие работал в «электросетях». У Побегаловых сын, два

Да-а... Все же какими красивыми, надежными бывают флотские ребята. Так я о них думал и раньше, знакомясь по таким фильмам, например, как «Путь к причалу». Да так оно и есть: в целом это хороший народ, индивидуально - чуть ли не каждый. Но «внутренняя атмосфера» - как любит выражаться Криков! - тут порой только руками разводишь.

...- Поговорим сегодня о стиле работы, - говорит электромех, когда поздненько вечером захожу к нему в каюту.

- Опять о помполитах! Давайте потише, а то Владимир Александрович как раз-а-з вот за этой переборкой спит...

- А пусть слушает... так вот на одном пароходе был первый помощник...

Начинаю хохотать: - Знаете, у нас беседы начинаются с зачина - в некотором царстве, в некотором государстве, на одном пароходе...

- Так вот, - смеется и электромех, - завел себе буфетчицу-стукачку. Говорил ей: сегодня будешь спать с тем-то... И задавая такие-то ему вопросы. Она задавала. А утром все докладывала, как на духу, первому. Таким образом, был он в курсе всех дел. Мужики - хуже баб тоже! - за рюмкой выбалтывают многое. Таким образом и навела эта дуручка на несколько кают, куда первый пришел за два дня до окончания рейса - в Одессе было! - и собрал «контрбандные» товары. Ничего там и не было такого, все было куплено за свои деньги. Но представил в партком пароходства телегу, насочинял - было, не было! Разда. Когда стали разбираться, докопались и до буфетчицы. Та и доложила: вот он предлагал мне спать с тем-то и с тем-то... Помполита с треском списали на берег, как когда-то он сам присывал, приговаривая: «Если мы отправляем человека в распоряжение отдела кадров, значит, он не поддается воспитанию». - Как Иосиф Виссарионович, выражался - «мы отправляем».

- Верно... А ведь по добродушности первого - не просто следить кто выпил рюмку или с кем переночевал, а формировать климат, поддерживать морские традиции, о которых

начисто забыли. Они формировали дисциплину, порядок и честь русского моряка. А статус капитана и честь! Я уж повторяюсь, но в кресло капитана в кают-компанию, когда его нет, садиться просто, считаю, кощунственным. У нас, заметили, это просто. Говорят, следствия застойных лет. Верно. Пили, например, безбожно. Запустили суда, забыли традиции, а порой и честь флага.

... Экипаж готовится к усиленной, как говорят, серьезной инспекторской проверке. Опы-командиры читают приказы Министра «об усилении ответственности за свои обязанности». Десятки аварий и сотни жертв, констатируют документы, «результат расхлябанности, слабой дисциплины и безответственности».

Господи, сколько грозных, уничтожающих слов! Пере-стра-ива-е-ся. В какую сторону?

Сажу за столом, стул на машинке. Она то и дело скользит вправо, то влево. Качает. Нудно, монотонно. В сон клонит. Заходит Криков, застает меня уже в койке.

- Вообще-то нет такого моряка, чтоб не укачивало. Адмирал Нельсон, например, всю жизнь страдал морской болезнью... Ну а есть и хитрецы. Помню, был у нас помполит, как начнет немножко качать, он уже в койке...

- Ну без помполита - никуда... - Или матросы жалятся на болезнь. Опытный боцман устраивал проверку таким образом: придет к матросу, расположит, посочувствует, сигарету предложит. Тут матрос и попадает: при морской болезни не то что сигарету, жить не хочется.

Прошла Канарские острова. Начался отчет последним дням рейса.

21

«Бойцы» вспоминают... Все тот же Криков:

- Хорошо если придем в Ленинград в пятницу, под вечерок. Капитан тоже рассчитывает, понимает: в пятницу, в день прихода, никакие комиссии уже не сунутся. Можно будет пойти домой. Там «разрядился», потому как впереди суббота. В воскресенье уже нельзя: в понедельник придем на судно с запахом... Ну а в пятницу - в самый раз... Вот, напри-

мер, старпом. Кажется, ни хрена не делает. Отстоял вахту и в каюту. А сколько у него бумаж! Наберут по пожарники, то медицина, то снабженцы. И всех надо принять, удовлетворить, подписать документы. Как-то один корреспондент провел хронометраж разговоров старпома с разными представителями: колоссальное время!

В идеале должно быть как: береговая служба обеспечивает нас всем необходимым за время стоянки. Скажем, привезли продукты на рейс. Рабочие должны поднять их на борт и разложить в артелке по полочкам. Это в идеале. На деле - сами и грузим, и разгружаем, и таскаем... Подает заявки на снабжение. Но сам же бегает, выбираешь. Да еще надо дать в лагу. Агент-инспектор как-то говорит: вчера девочка-машинистка весь вечер печатала твои бумаги, надо. Ну, понимаю, пару колготок надо подарить...

Раньше в ремонте на Канонерке за три месяца по тристо рублей шло на утопления. Своих. Представительских нет, а если и перепадут когда, то - гроши.

Снабженцы из электроцеха знают на какой пароход пойти похмельиться. Посмотрит в заявку: ага, вот этому-то надо! Звонит. Ну, говорю, приходи, только один, никого с собой не приводи. Был такой старший про-раб Степаненко. Говорю ему: вот ваши дни - понедельник, среда, пятница. В десять утра. Даже если меня не будет в каюте, там в холодильнике стоит зеленая рюмка специально. Наливай и не больше, поставь остальное на место. Как-то захожу в контору к регистру, а там этот Степаненко, все его звали Стаконенко, рассказывает как он у меня «устраился». Рассказывает и не видит меня. Стоит спиной. А регистр увидел меня и говорит: а мне? Ну вам, говорю, вне всяких расписаний вход свободен.

- А если не подавать?

- Ну тогда ничего и не получашь. А пароход ведь надо подготовить к рейсу... Эти мужики снабженцы много сразу не пили. Рюмку с утра, вторую через час-полтора, потом еще... и так весь день на взводе, при настроении. И ведь что интересно, как-то дело делалось! Молодые те не выдерживали такого темпа. Нет закалки. И

работать еще не научились.

Итак, считай, весь рабочий класс жил.

Я не рассказывал, как «кузнечика» четвертью денатура отучил от алкоголизма? «Кузнечик» - это кузнец, мастерской хороший, лет сорока мужик. С женой разошелся на почве ежедневной пьянки, жил в комнатухе один. С завода его не выгоняли, умел делать работу, которую никто не умел. В то время модны стали дачи. Идут к нему - кому топор сделать, в магазинах, помню, исчезли топоры, кому скребок сделать - бревно скрести. Ковал! И принимал за работу. Стакан с утра, стакан в обед и до вечера еще стакан водки. Говорил, что главное надо в обед скушать первое и второе, чтоб выдержать. Выдерживал. Для полного комплекта еще вечером после смены «засадить» бутылочку на двоих. Норма!

- Сколько же получалось за день, господин?

- Вот, вот. Итак большинство работяг... Ко мне в каюту заглядывал. Как-то говорю ему, меня тут не будет несколько дней. Вон денатурат - четверть стоит, забирай ее сразу и унеси, бог с тобой. Насовал ему под рубаху консервов всяких, колбасы. Он взял четверть в береза и так гордо вышагивал по заводу...

Встретил «кузнечика» - он и правда небольшого роста был, а рука железная. Поздоровался, думаешь за кусок железа держишься. Встретил, значит, возле главных ворот порта: лицо кругленькое, в костюме, при галстукке. Куда, спрашиваю, шагаешь? А за билетами в театр. Себе и жене. Я слышал, совсем бросил пить, женился. Вот... Твой денатурат меня выслечил! Принес я тогда четверть домой и три дня квасил. А на четвертый глянул в зеркало и перепугался. Смотрит на меня оттуда черная рожа. Вся черная, высунул язык, он тоже, как сапожная щетка. Померещилось мне, что в ад попал. Ну, думаю... Еле отошел, чуть не умер. И с той поры, как отрубил. Даже пиво, когда кто предлагает, не могу. Вспомню свою черную рожу в зеркале, страх свой вспоминаю и тут начинаю выворачивать. Не могу! Начисто...

Вот как бывает в жизни. Теперь вот опять комиссия ждет

после рейса. Говорят, никому пощады не будет, воспитывать не станут, просто будут гнать. Сколько за последнее время аварий на флоте и все, как проанализировали, из-за разгильдяйства и нарушения техники безопасности.

Киваю Крикову:

- Да, сам видел. Помните, в Байросе грузились. Местные грузчики поддепят контейнер, его поднимут, а сами стоят под грузом, размахивают руками.

- А еще добавлю... Грузят тюки с шерстью в пятый трюм нашим, замечу, краном. Штурман наблюдает и не делает замечания грузчику, что стоит под тюком. А сорвись он да на голову - сто кг! Начнут разбираться: нашим краном грузили, значит, искать будут виновных у нас. А за краны я отвечаю. Что мне - тюрьма! А штурману как бы и дела нет - не мое хозяйство, не моя забота.

(Окончание следует).



Аргентина. Буэнос-Айрес. Фото автора

внука. Кроме работы, всех их, как я заметил, связывает «одна, но пламенная страсть» - рыбалка. Они все заядные дачники. Умеют работать и отдыхать.

Слово о Николае Дмитриевиче УСОЛЬЦЕВЕ, летном наблюдателе

При Центральной аварийно-спасательной службе их трое: Анатолий Алексеевич Голубцов, бывший вертолетчик Геннадий Павлович Ковзан и Усолец Николай Дмитриевич, которого я «перехватил» в диспетчерской.

Со всеми мне приходилось летать по трассе, но в вертолете не говорившись. А тут - Николай, и вроде как не на службе.

- Уши замучили... Ходил в поликлинику. Это, как я понял, у летных наблюдателей «профессиональная болезнь». Помогайся-ка в грохочущем вертолете - поневоле олохнешь. Есть, конечно, наушники, но с людьми, попутно взятыми на борт, приходится общаться именно наблюдателю; вертолетчики здесь как-бы и ни при чем, сидят за металлической дверью.

С Николаем я принял первое «боевое крещение»: при очередной посадке «нахватал» бумажных и целлофановых обрывков, забило какие-то форсунки - могло перекрыть воздух и двигатель бы заглох. Но дотянул до площадки, никто ничего не понял, поэтому испугаться не успели. Это уж потом, задним, так сказать, числом... При такой допотопной технике вообще летать - рисковать жизнью.

- Меняемся через неделю, - говорит Николай. - Но все равно с утра прихожу в диспетчерскую. Узнаю, как дела на трассе, не случилось ли чего... Звоню в выходные. Бывает что поднимают прямо из-за стола и летишь на аварию.

- А тебе-то это зачем? - Моя работа. Ведь даже зафиксировать прорыв - никто не возьмет на себя такую ответственность. Только наблюдатель. После его сигнала-сообщения начинает раскручиваться аварийно-спасательная машина уже, по сути дела, запущенная кем-то на местах, но такой порядок, «каждому - свое».

Наблюдатели обследуют нефтепровод, контролируют его с воздуха. Основная причина аварии - пересед через трубу... О прорыве, обнаруженном с вертолета, сразу же сообщается в диспетчерскую Управления.

Николай родился в Вагайском районе в деревне с «жгучим» названием - Крапива. Отец умер, когда ему было два года, а старшему из ребятшек - шесть. Матушка поднимала их с великим трудом.

После училища речников Николай плавал две навигации, служил в армии. Вернувшись со службы, работал мастером производственного обучения в одном из училищ Тобольска. В семьдесят шестом году перешел в РСХ: «Строили жилье и сохрубить на станциях». Одиннадцать лет отдаю этому важнейшему на трассе делу. Николай начинал рядовым плотником, работал начальником участка и заочно окончил

физмат местного пединститута. Три года преподавал в разных школах города.

После гибели Василия Курбатова его пригласили летным наблюдателем в Управление.

У Николая хорошая и очень дружная семья. Жена преподает в школе. «Учительница до мозга костей». Старший сын Олег учится в пединституте, он спортсмен-разрядник, младший, Павел, закончил шестой класс - этот «бредит» рыбалкой...

Но отцу нынче не до рыбалки. При большом световом дне вертолет дважды облетает трассу: первый круг до обеда, второй - после... Нельзя сказать об экспедиционных «нагрузках» наблюдателя. Все срочные грузы - от загастей до продовольствия - доставляются на станции преимущественно вертолетом. И люди - вахтовики, аварийщики - тоже. Наблюдатель знает, где, кого, что и сколько выгрузить, где и кого принять на борт. Посадка за посадкой, десятки лиц, груды железа и ящиков... Голова кругом! Поэтому за неделю так наматывается, что не до рыбалки походов. К тому же лето в разгаре и надо работать на дачном участке, чтобы кое-что запасти на зиму.

В двух шагах до Конды

Кедровая лежит в снегах. Идешь по крепкой, хорошо накачанной дороге и не встретишь единого человека. Ни детей, ни взрослых. Только спокойные мордастые собаки, выбежав из-за крайней «бамовской» двухэтажки, с настороженностью поглядывают туда, где над вырубленным едра ли не подчистую сосяком хлопает удаляющийся вертолет да снежная круговерть оседает на расширенную бетонную площадку. И невольно ошущаешь: да, ты уже на благословенных «северах».

О Кедровой заговорили в восьмидесятом году, когда здесь, буквально в двух шагах от Конды, намечался нефтепроводная «нитка» Сургут-Полоук и нужно было поднимать станцию. Первые строители поселились в балках, доставленных, как и по всей трассе, с Большой земли. Нефть подтирала и рубить дома из добротного леса было уже некогда, - сразу втянулись в работу. И вот, год спустя:

Население поселка - до сорока чел. Жилфонд - два типовых «бамовских» дома. Пуск НПС...

И все... «Заморозились». Почти на четыре года. И лишь после того, как через Кедровую протянулась вторая «нитка» Холмогоры-Клиш и построили новую станцию, приступили к обустройству одичавшего в недосягаемой глухомани трассового поселка. И школа появилась, и ясли-садик, и магазин, и клуб, и еще три жилых дома... Короче говоря, глухомань оживила, это теперь не голая трасса, не времянка, а вполне нормальный населенный пункт, где более ста человек работающих и в каждой семье по двое-трое детей. Этим ли не

поражаться в наши смутные времена? Где дети, там настоящее и... трезвая дума о будущем.

Но не хочу идеализировать покуда чужую для меня землю и людей, проживающих на ней. Прежде надо осмотреться и понять, в каких далах и в чьих краях «прикинулся» неустанно кочующая по трассе новая жизнь.

Между Кедровой и Уватом

В Демьянске, пожалуй, самая крупная станция. Четыре «нитки» протянутых к ней от Мутена, пятая - нефтепродуктопровод, за которым после Уфимской трагедии приглядывают в четыре глаза. На трассе - «дежурка», оборудованная специальной связью. Каждую неделю сменяется вахта. Два самых опытных линейных обходчика дежурят на Демьянском участке нефтепровода, готовые в любую секунду связаться с диспетчерской. Прежде нефтепродуктопровод оставался без присмотра и «обходили» его лишь в дни, предусмотренные рабочим графиком. Но горький опыт многому учит, особенно в эпоху, когда нефтепродукт становится дорожее хлеба. И людей на вахту отбирают самых-самых... К примеру, на нынешнюю заступил со своим напарником Владимир Иванович Воронцов, человек по северу известный - двадцать пять лет на трассе. В последние годы возглавлял аварийно-ремонтную службу. Говорят, очень мало доверял техпрогрессу, все - горбом. Даже задвижку, что перекрывается автоматически, перекроет «врочную». Видимо, так надежнее. У Воронцовых двое детей. Дочь Марина работает оператором. Заужем. Недавно родила сына. Семья обыкновенная, как многие семьи на трассе. Живут, работают, и выросшие дети зачастую остаются здесь же.

В Демьянске мощная подпорная станция. Два резервуара и каждый по двадцать тысяч «кубиков». В случае сбоя на трассе подача нефти не прекращается. С таким запасом можно работать.

Демьянск хаотично разбросан по всей округе. Такое впечатление, будто каждый здесь строился как думал и как желал. Только станционные дома-«двухэтажки» образуют более-менее стройный поселковый центр. Но вылазешь из окна - повсюду натканы какие-то сараи и сараюшки, кое-где дымят бревенчатые баньки. Нефтепроводчики обзаводятся личным хозяйством и скотину откармливают в двух шагах от жилья. Так спокойнее. А то, говорят, ворье добралось уже до Демьянска. Совсем недавно у кого-то угнали новенький «жигуль» - машину, которую работяга ждал, может быть, всю жизнь. А ведь по выработанному стажу получить «жигуленка» - это в сотни раз дешевле, чем приобрести его на авторынке.

Над Демьянском возвышается полуразрушенная одноклассовая церковь. Бывшие строители коммунизма разбирали ее, чтобы запастись кирпичом, свинарник, что ли, надумали строить. Однако разобрали только одну главу, видимо, не по зубам пришлась.

Демьянск многолоден. На одной станции работает более двухсот двадцати человек. Надо строиться, расширяться и решено уже ставить два десятка коттеджей. Вон



На снимках к очерку «Трасса»

1. Людмила Ивановна Маликова, 2. Рафина Васильевна Вакорина, 3. Асия Асадулловна Ермаленко - ветераны Тобольского нефтепроводного управления, 4. Уватская АПДС (в центре ее начальник Андрей Павлович Степунов), 5. Устранение аварии, 6. Николай Евгеньевич Жернаков, 7. Михаил Григорьевич Курбатов, 8. Анатолий Яковлевич Патракин, 9. Виталий Васильевич Шахматов - опытные кадровые труженики управления.

совхозники поставили по краю дороги четыре коттеджа - из-под ручки поглядеть! Да не все сразу.

От Иртыша до Усть-Тавда

С трудом приживаешься на новом месте. Вчера еще, кажется, рвался домой, думал, ну, все, допишу очередную главу - и на заслуженный отдых. Но сегодня ты уже в другом районе, на другой станции и, как всегда, среди не знакомых людей. Приходится начинать сначала... С обустройства.

В сетовском жилкомплесе порядок исключительный. Всюду чистота. В светлых комнатах ничего лишнего, на кухне - как в таежной охотничьей избушке, небольшой продовольственный запас: крупа, консервы, даже хлеб. Масштаб трассы всесоюзный, приезжают «спецы» со всех городов... Сколько ни поживут, а после себя всегда хоть что-нибудь да оставят, не дадут замереть с голоду... на первых порах.

В красном уголке - телевизор, причем в отличном рабочем состоянии, а не из тех, что держатся на соплях.

Такому жилкомплесу позавидуют в любой коммерческой гостинице на Большой земле. Правда, и здесь берут за проживание. Новые времена - новые взаимоотношения. И ничего в этом предосудительного нет. Затраты-то немалые: техника за работу платит, прачке тоже. А каков расход электроэнергии? Уж коли есть затраты, то их необходимо возмещать. Всякая станция пытается в последние год-два избавиться от ненужного балласта - людей, командированных сюда на работу, но неизвестно за чей счет проживающих. Работа работой, дружба дружбой, но табачок врозь. В такие, извините, живем времена, когда поголовное трассовое братство - хуже воровства.

Питьевая вода из-под крана, но всегда профильтрована, поэтому чиста, как из родника.

Не сегодня - завтра доведет до ума столовую и людей будут кормить здесь, в гостинице. Как в других трассовых поселках.

За гостиничным хозяйством присматривает Раиса Леонидовна Никитина. Она наводит чистоту, уют в жилкомплесе и от этого порой забываешь, что ты не дома. В отличие от других хозяек, убирающих в помещения через два-три дня, она приходит ежедневно. С утра. По ней можно часы сверять. Очень трудолюбивая, чистоплотная, обходительная хозяйка. Я поинтересовалась: давно ли она здесь? С восьмидесяти четвертого года. Прежде работала клубным работником. Перешла на станцию - замещала коменданта. Муж, Виктор Федотович, возглавлял аварийно-ремонтную работу, работал в пожарке, а нынче трудится в бригаде механизаторов. Дочь, Татьяна, в отделе кадров, одновременно ведет секретарские дела.

В хорошем настроении всегда выходишь на улицу. А уж в воздухе чувствуется весна. Оплывшие, как свечи, сосульки застыли под окнами... на снегу. Они уж не свисают с карниза, как несколько дней назад. Выгнулись, отяжелели и, кажется, подпирают тяжелую крышу.

Поселок строили по плану. Пять двухэтажных домов образуют прямую улицу, в конце которой - несколько коттеджей, рассчитанных на двух хозяев. Есть магазин, клуб, детсад и пекарня: в четвертом часу выстраивается очередь за хлебом. Хлеб здесь не таскают с места на место, из пекарни к магазинному прилавку - подают горяченькие, прямо с пылу и жару.

Вдоль дороги вытянулась ровная шеренга частных построек, за изгородью - копейки сена. Многие в поселке держат скотину.

Улица не суетлива. Шатающихся без дела почти нет. Хотя станция не раз, два да обещала: сто двадцать человек работающих и столько же детей. Одна беда: даже маленьких приходится возить в сетовскую школу.

Станция «привязана» к значительному отрезку трассы, пропешему как бы в междуречье - от Иртыша до Усть-Тавда. А это без малого сто километров, к счастью, благополучных: без аварий работают уже лет шесть-семь. Обе «нитки».

Первую станцию запустили в семьдесят четвертом, в декабре, вторую - в семьдесят седьмом. Тогда они работали на полную мощность, не зная передыху, ныне - будто отработывают очередность. То одна стоит, то другая, а то вдруг обе замрут в захлебнувшейся тишине округе.

«Кочующая» станция

Начиная с шестидесяти девятого года, через эту сложную по рельефу местность протянули три «нитки» - Омскую, Альметьевскую, Куйбышевскую. Станция дополнялась с периодичностью в четыре, точнее, в пять лет.

В середине семидесятых, помнится, поселок нефтепроводчиков был еще на горе, покрытой густым мощным лесом. Даже на почту трассовики ездили вниз - в колонию-поселение, а жили в «двухэтажках» наверху.

Строители жили в балках.

Но в семьдесят девятом, когда станция заработала на полную мощность и рабочих заметно прибавилось, руководство решило перебраться вниз - в деревеньку, наполовину сгнившую, но выгодно расположенную - на берегу Иртыша. Так вот и начали «самостраиваться» между эковским поселением и татарскими юртами.

В семьдесят девятом поставили две «двухэтажки» их хорошего бруса, в восьмидесятом две... Позже заложили

целую улицу из добротных бревенчатых благоустроенных коттеджей, построили большую школу и теплицу...

В восьмидесяти шестом, когда я оформился уже на пенсию, - вспоминает Василий Федорович Дымов, знаменитый по трассе сварщик, - жена меня уговорила остаться на даче. Ну что, думаю, надо довести сварочные работы до конца. А детсад большой, двухэтажный... Долго возились с сантехникой. Но рука у меня была пабита: с первых домов в сварщиках-сантехниках. А начинали без всяких проектов, по ходу дела ориентировались в планировке. Тогда же я предложил отдельные туалет и ванную... Словом, чтоб все по-человечески. И после детсада я никуда не ушел, - продолжает он, угощая меня первой в этом году окрошкой. - Была у нас баня, чадила-чадила, топили-то дровами... Ну, врезал я форсунки - заработала на керосине, и сам я тут же, в котельной работаю. Жар-пар! Благодать! Работяги намерзнутся на трассе, приедут в баньку, попарятся, отогреются... Таким образом я проработал почти год. И вдруг по всему управлению начались сокращения. У нас трое сварных, а надо чтоб остались двое. Ну, думаю, как бы меня ни уговаривали остаться, ни за что не соглашусь, уступило молодому. Есть же у меня, наконец, совесть.

Нынче в поселке строят блочные коттеджи. Частенько бывал я здесь прежде в старой, доэнтэзовской, так сказать, деревеньке. Идешь, бывало, дорогой, а она - срезка да опил. И клуб, где мне не раз перепадало от местных татар, напоминал конюшню с перекошенной крышей. Дома полу-сгнившие... Все, казалось, еще год-два - и от сего поселения не останется даже пепла. А тут вижу - повсюду асфальт, на месте развалах - поселок городского типа... Вот почему я не узнал обновленную округу. Из старого - лишь мощный изгиб Иртыша да гаденковский дом, с которого тогда начиналась деревенька.

Единственная станция, которая смогла «перекочевать» из опасной производственной зоны в нужную и удобную для людей местность. Сами строились, причем капитально: ни одной насыпухи либо шитовика. Так что же мешало другим поселкам повторить этот опробованный «самостроевский» путь? Живут в полуразвалившихся домах среди тайги, где все под рукой, и ни шагу...

Об этом я думал, но ни к чему не пришел. Как будто нет в тех поселках толковых и работающих мужиков, какие есть в Аремзянах. А может, живут и выжидают часа, когда им прикажут переселиться в новые терема, невсего кем и когда построенные. Это «халявное» мышление разъедает крепкого человека, как ржавчина трубу. Даже крепкого! - потому что слабые - редкость на трассе.

В СЕРЕДИНЕ АВГУСТА С. Г. НА БАЗЕ ОТДЫХА «НЕФТЯНИК» В ЖИВОПИСНОМ ЛЕСУ, ПОД ТЮМЕНЬЮ, ПРОВЕЛИ СВОЕ СОВЕЩАНИЕ ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ СИБИРИ - РУКОВОДИТЕЛИ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ, ПРОМЫШЛЕННИКИ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОЛОВНОГО НОВОСИБИРСКОГО ГАРАНТБАНКА, ЕГО ФИЛИАЛОВ, ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ г. НОВОСИБИРСКА, УЧРЕДИТЕЛИ, ПАЙЩИКИ.

Гарантбанк - новая, своеобразная структура в банковской системе России. Читателям «ТЛ», надемся, небезразлично то, чем занимается эта структура. А вопросы на совещании стояли не только чисто коммерческие, банковские, но - главное! - о возрождении экономики Сибири, Российской Федерации в целом, т. е. те проблемы, которые волнуют всех честных патриотов Отечества: как и каким образом выбраться из того хаоса, развала, в который нас повергли «демократически» новаторы от власти?

С некоторыми участниками совещания - в ходе работы и после нее - разговаривал главный редактор «Тюмени литературной» Николай Денисов.

Публикуем в сокращенном варианте тексты этих бесед.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ТЮМЕНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАХОВОЙ ФИРМЫ ЯНИН ЛЕОНИД АЛЕКСЕЕВИЧ.

Новосибирский Гарантбанк - это мощнейший страховой банк, который учрежден страховыми фирмами Урала, Сибири и Дальнего Востока. Эти страховые фирмы владеют

сдел нужным в нашем банке на депозиты вкладывать определенные суммы. Здесь присутствует Павел Павлович Гибелев - это президент банка. А также - Кочергин Владимир Александрович - генеральный директор Челябинской фирмы. Ну и другие генеральные директора - Красноярка, Омска, Томска, Кургана, Бурятской республики и так далее. Здесь те деловые люди, которые сегодня могут положительно влиять на экономику. Они знают толк в деньгах, знают куда их направить.

Речь пойдет о нашей Тюменской области?

Да, речь идет о том, чтоб привлечь страховой капитал именно в Тюменскую область! Поэтому очень важно для нас, что присутствует на этом совещании президент Ростосстраха Вячеслав Викторович Шахов. И сегодня в беседе с Рокетским многие проблемы были затронуты. Напри-

бы сегодня по одному-по два колхоза и помогали. Если мы не поможем деревне, то - кто? Кто нас будет кормить? Ведь на земле - тяжкий труд, малая зарплата... Мы перед сельским хозяйством все должники! Это как бы часть нашей работы. Но - главное! - и это цель совещания - привлечь страховой капитал.

Тюмень была кормилицей по энергетике, она и будет! Поэтому и высокий дивидент. Я считаю, что наша работа такая - интерес видеть, в первую очередь, директора предприятия. И если мы его капитально застраховали, то мы ему вернем во много раз больше. Мы люди дела. Сегодня мы заключили с директором договор, в через три-пять месяцев он видит уже - что получает.

И еще, чтобы знали: мы подтвердили в прошлом году, что самая крупная и в СНГ и в России - наша фирма, тюменская. Мы, например, в этом году в восемь раз увеличиваем объем. Мы идем впереди инфляции. Хотя слабых сторон очень много. Но мы честно свой рубль зарабатываем. Не спекуляцией, не коммерцией. Деловой человек победит всегда. В рынке мы самые нужные сегодня!

Филиал Гарантбанка. Ознакомившись с документами, а тогда показатели были гораздо скромнее, мне было сразу ясно, что этот банк имеет прочную базу, очень хорошую крышу над головой - такую как Госстрах России, поэтому мы приняли решение - выделить помещение. А после этого и сам институт стал пайщиком банка, учредителем.

Какой, Николай Александрович, у Вас интерес - работать в содружестве с Гарантбанком?

Вкладывая свои средства в этот банк, мы получаем дивиденды, которые потом направляем нашим сотрудникам. Вот и все! Пока. Но в тоже время я, как тюменский житель, - 35 лет в Тюмени! - знаю всю конъюнктуру, знаю систему этого банка, заинтересован в том, чтобы подобные организации, банки, которые идут на социальную защиту населения, развивались.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР ЧЕЛЯБИНСКОЙ СТРАХОВОЙ ФИРМЫ ВАЛДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЧЕРГИН.

После того как мы создали новосибирский головной Гарантбанк, стало системной, традицией - собираться ежегодно для того, чтобы рассмотреть результаты работы банка и определить дальнейшую перспективу развития. Коль мы создали страховой банк, мы должны его и воспитывать! Растить. Без нас это никто не сделает!

Я, вместе с другими коллегами, стою у истоков создания Гарантбанка. И сегодня наша доля в уставном капитале банка составляет 50 миллионов рублей. Я думаю, что в этом году банк станет еще более крупным, бо-

ность искусственно валится.

- Искусственно организовано... - Да! Но дух профессионалов страховых компаний мне близок.

Например, ваш Янин Леонид Алексеевич. Он очень четко выразил мысль о том, что кто бы что ни делал сейчас, но если мы не будем поднимать промышленность, то не восстановим и не разовьем всю экономику России. Страховые компании могли бы сейчас существенно повлиять на становление, например, конверсионных предприятий. Если бы им оказали помощь в пополнении оборотных средств, они бы очень быстро могли заполнить рынок - во-первых. Во-вторых - это основа завтрашнего дня. На этих предприятиях очень высокий профессиональный уровень. Там лучшие мозги. Уникальная технология. Но эти предприятия приспособлены были для одних целей, сейчас, чтобы перейти на другие цели, надо очень крепко поработать. Государственная программа по конверсии липовая, по большому счету, просто была обозначена, ничем не подкреплена, особенно финансами. Если бы страховые компании сделали крен в сторону оборонных предприятий, то они бы в короткий срок начали выпуск товаров народного потребления. Мы вот буквально за полтора года, а у нас номенклатура около восьмидесяти изделий - не традиционные наши! - мы могли их увеличить при достаточном пополнении оборотных средств. Кредиты же государственные - они бандинские, прямо скажем. Никому и не снилось! При таких кредитах невозможно выйти на элементарную самоокупаемость, не то что рентабельность.

Но изделия наши уже идут, спросом пользуются.

На Гарантбанк я возлагаю большие надежды. Если там, в стратегии банка, будет отражаться мнение Тюменской страховой компании, то будет большая польза. Янин мыслит государственному, он видит завтрашний день. Он знает, где бы были эффективными капиталовложениями...

Сибирь есть Сибирь - со своим потенциалом! Но если мы сами себя будем обеспечивать, не будем размениваться на мелочную, сисмипутную коммерцию, - хотя коммерция должна быть! - но она не должна быть преобладающей. Такая стратегия быстро даст отдачу!

ДИРЕКТОР ТЮМЕНСКОГО ФИЛИАЛА ГАРАНТБАНКА ВИКТОР КАРЛОВИЧ ШТОЛЬ

Нужно больше инвестировать хозяйство России - заводы, фабрики, сельское хозяйство - все, что пока еще работает. Вы тоже так считаете, Виктор Карлович?

Да, на совещании прозвучало, что основная часть наших вложений приходилась на коммерческие структуры, но сейчас уже однозначно, и это мы все понимаем, нужно инвестировать производство. Поэтому динамика за последнее время у банка меняется, нацеливаемся на широкие программы - промышленные, на сельское хозяйство.

Хорошо... Эмблемой вашего Гарантбанка, на ваших визитках, на вывеске у входа в банк изображен сокол или орел...

- Это сокол.

Идея эмблемы зародилась в головном банке - создание гарантийной, мощной структуры. Это символ порядочности, надежности...

- И смелости, намеренно?

- Да, и смелости!

Ваш страховой банк. Так! Я знаю немножко систему других банков. Чем ваш банк отличается от тех банков, что начинают свою деятельность по принципу ростовщичества - накопления денег, а у вас еще есть такая приставка - страховой.

Мы не идем на акционирование, т. е. не выпускаем акции, ценные бумаги, мы от этого отошли. Весь замысел страховых компаний именно в том, чтобы удерживать контрольный капитал основного фонда. Речь идет о пятидесяти одном проценте уставного фонда, которые вкладывают наши страховые компании, он гораздо у нас выше. В настоящее время где-то около 75 процентов. Страховые компании стремятся к тому, чтобы контролировать всю нашу работу. Набираем мы и надежных пайщиков, которые вносят свою лепту в уставной капитал банка.

Мы открываем в своем банке и частные счета.

Время нынче сложное. Как вы намерены выжить в этом времени?

При всем негативном в нашей экономике, думаю, что должен наступить перелом, инфляция приостановит свои темпы. Банки будут тогда вкладывать свои кредиты с большим эффектом, с большим желанием и надежностью, в промышленное, гражданское строительство. К кредитам на строительство мы относимся очень внимательно, я сам по образованию строитель, мне это близко. Риск есть, но мы уже начинаем кредитовать строительство. При остановке инфляции сразу будет резкий всплеск вложений. Так я считаю!

ДИРЕКТОР ОКТЯБРЬСКОГО ФИЛИАЛА СИБИРСКОГО СТРАХОВОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА В г. НОВОСИБИРСКЕ ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ ВАВИЛОВ.

Система Гарантбанка - как вам она видится?

В чем необычность Гарантбанка? В том, что он создан на базе страховых фирм. Какие страховые фирмы? Это тоже не маловажно! Это бывшие фирмы Госстраха. В чем их положительное отличие? Есть у фирм большие запасы резервных фондов, то есть, если клиент застраховался у нас, то он действительно получит деньги. В других молодых фирмах часто страхуют, не имея реальных источников средств. То есть наступит страховое событие, а фирма просто становится банкротом. В данном случае, у нас, это не может иметь места. На сегодня слав страховых компаний и слав Гарантбанка дает достаточно солидный капитал, который позволяет «обычному» гражданину - вкладчику застраховать себя, получить страховое возмещение и, кроме того, имеющий свободные средства гражданин, может их разместить в Гарантбанке, который подкреплён фондами страховых компаний.

Какие решения приняты на совещании? Что Вас удовлетворяет?

Главное - банк действительно растет, что подтверждается желанием пайщиков увеличить уставной фонд. Значимость его все более возрастает, поэтому растет и уверенность у вкладчиков. Клиент все больше верит банку, больше к нам идет.

Где выгодней клиенту размещать свои средства? В сбербанке или у вас?

Мы более молодая структура в коммерческом плане, поэтому вынуждены давать процент более высокий. Он постоянно у нас выше.

ДИРЕКТОР ТЮМЕНСКОГО ИНСТИТУТА ГИПРОВОДНЕФТЕПРОВОДСТРОЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЮШИН.

Пологода назад, когда встал вопрос о создании Тюменского филиала Гарантбанка, ко мне как к руководителю, который владеет основными средствами, помещением, обратились с просьбой, в здании нашего института Гипровнефтепроводстрой открыть

лес мощным.

А как вы, челябинцы, участвуете в развитии экономики Тюменской области?

Всплах Тюменской области наше участие - это, прежде всего, создание филиалов банка. Концентрируются средства, затем будут инвестиции в хозяйство вашей области. Должна расширяться и география нашего участия... Мы должны видеть роль, задачи каждого региона и, естественно, влиять на это на все.

А какой у вас местный, челябинский, интерес?

Думаю, что и в Челябинске будем создавать филиал. Будут и более конкретные цели. Но сегодня цели пока, действительно, - местные: получение прибыли, дивидендов. Вкладывая средства в Гарантбанк, Челябинская область пока ничего не получает, но дело нужно делать. Не бывает так, что начиная с июля, сразу охватить все. Я думаю, что это дело будущее! То есть влияние Гарантбанка на челябинскую экономику.

Такой вопрос - насколько пошлится как вы сегодня в сложной экономической ситуации в России, смутной, можно сказать, как вы выживаете?

Вопрос очень насущный. Падение жизненного уровня населения, его платежеспособности, сказываются и на наших делах, но стараемся выживать! У нас очень надежная страховая система, мы имеем громадные резервные запасные фонды, которые полностью гарантируют защиту страхователя. Единственно, что на сегодняшний день мы не можем позволить себе - решать вопросы социальные, поскольку не получаем достаточной прибыли в силу этих обстоятельств. Тут все и сложности! Но это время переходного периода в рыночную экономику. Я думаю, что экономика начнет возрождаться в нужном направлении. А мы - производное от экономики. Экономика будет процветать, мы - тоже.

А свои предложения у вас есть?

Я являюсь членом совета. Поддерживаю концепцию развития банка. Нужно развивать и валютные дела. МАЯЦКИЙ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ - ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЭЛЕКТРОН» (НОВОСИБИРСК).

Я познакомился с руководителем Гарантбанка давно и присматривался долго. Мне импонировало их направление, чтоб где-то до 55 процентов средств вкладывать в промышлен-

мер, наша фирма. Развитие есть, но я недоволен работой. Почему? Больше миллиарда рублей мы дадим в бюджет в этом году. Но мы могли бы не миллиарда давать, а двадцать миллиардов! Поэтому мы говорили на одном языке - и президент Госстраха и глава администрации области, чтобы российский капитал Госстраха сюда к нам вкладывать. Рокетский задавал нам вопрос: вот строится пивзавод, почему он не застрахован, почему мы не участвуем в инвестициях? А мы могли бы! Но пока медленно еще наши руководители идут на страхование. Почему? Есть причины! Минфин сделал так, что все страховые платежи - из дохода, из прибыли. Что такое из прибыли? Это из зарплаты... В Тюмени много сейчас иностранных фирм. В этом месяце у нас будет открыт валютный счет. Будем страховывать иностранные фирмы.

Сегодня можно через страховые компании так регулировать финансы, что они будут работать на народ, на его благосостояние. На дело! Мы ведь не частные страховые компании. Имеем мы сегодня более 2-х миллионов договоров, хотим чтобы их было значительно больше! Мы слабо пока страхуем промышленные, строительные организации...

Как заинтересована в этом деле администрация области?

Она, администрация, власть! Выгодна программа, она нас поддерживает. Нам такие отношения устраивают. И администрация устраивает! Почему? Что такое - мы имеем на депозитах в банке два миллиарда рублей? Мы сегодня только одному колхозу и одному совхозу хорошо помогаем, где низкие кредитные ставки. Это реклама и политика! Сколько в области крупных организаций? Взяли



около 75 процентами всего страхового капитала России. Поэтому, для тюменцев, большая честь, что банк счел нужным проводить у нас такое мероприятие. Банк преследует и определенные цели: где наиболее нужно для народного хозяйства России использовать страховой капитал, где он получит большую отдачу? Использование капитала в Тюменском регионе - дело беспроигрышное.

Мы сегодня, накануне совещания, встречались с главой администрации Тюменской области Леонидом Юлиановичем Рокетским. Он с большим пониманием, с интересом отнесся к нашему мероприятию, поскольку видит, что, например, на стройки, которые заморожены - нефтяные, газовые, другие - в целом на народное хозяйство будет влиять положительно страховой капитал, который здесь будет участвовать. Что для этого сделано? От новосибирского Гарантбанка создан у нас в Тюмени филиал. Он недавно начал работать. С начала этого года. Возглавляет филиал Штоль Виктор Карлович - очень энергичный человек. И сегодня уже около 700 миллионов в этом банке работает на народное хозяйство. Больше кредитных ресурсов - меньше процентная ставка банковская! Многие генеральные директора сюда приехали... Якутия! Осипов. Это специалист высочайшего класса. Он счел нужным посмотреть и наши дела. В Якутии - да! - в добычу алмазов надо вкладывать деньги, но... не держа яйца в одной корзине... Поэтому у него к нам большой интерес. Крутая фирма... Мы должны ее заинтересовать, чтоб директор

Александр Шестаков детворе

В АВТОБУСЕ

Мы с папой в автобус
Вошли у вокзала.
- Здравствуйте, -
Я пассажирам сказала.
Но дядя очками
Уткнулся в газету -
Вряд ли от дяди
Дождешься ответа.
Тетьа молчит
Из-за зуба больного,
С повязкой
От доктора едет
зубного.
У бабушки в сумке
Щеночек сопит.
Пригрелся и дремлет,
А бабушка спит.
У грустного деда
Нахмурены брови.
Не слышал меня он,
Он чем-то расстроен.
Увлёкся мальчишка
Значком на жилете.
Девчонка жуёт
Свой счастливый
билетик.
Автобус трясло,
На ухабах качало.
Все ехали молча,
И я замолчала...

ВОЛЧОК

Пой, волчок, и пляши,
Твои песни хороши,
Пляски твои жарки,
А наряды яркие.
Я игрушки уберу,
Прыгай вволю по ковру.
Можешь прыгать на полу,
Прогуляться по столу,
По комоду, по дивану...
Прыгай ты, а я не стану.
Утомился волчок,
Лег на крашенный бочок.
Убери, котенок, лапу.
Ведь юлу нельзя цапать.

ЛИСА ПЛАСТИЛИНОВАЯ

Лепит лису
Мастерица Полина.
Лепит из ярких
Брусков пластилина.
- Для рыженькой
шубки
Лисицы-огня
Есть пламенно-
красный
Брусок у меня.
Для глаз
Патрикеевны-
Хитрых, не робких-
Два шарика синих
Возьму из коробки.
Два желтых приклею
На лисьей макушке,
Должны быть
у кумушки
Острыми ушки.
И ножки приклею,
Чтоб бегать могла:
И хвост, чтоб
дорожки
Лесные мела...
Мама, похожа
Лиса на лису?
Можно, я лисоньку
В лес отнесу?

ХУДОЖНИКИ

- Ой, держите.
Смехота.
Кто рисует так кота?

Хуже некуда.
Порвите, -
Приказал ребятам
Витя.
- В этом деле я
мастак.
Я кота рисую так:
Чистый лист сперва
найду,
Лист на солнышко
кладу.
Никаких не знаю
магий
И не верю в чудеса,
Но на теплую бумагу
Кот дремать ложится
сам.
И пока он крепко
спит
Ты к работе
приступи,
Обводи скорей кота
От ушей и до
хвоста...

У СВЕТОФОРА

Восемь желтеньких
утят
Перейти шоссе
хотят.
- Кр-ря, - сказала
мама-утка. -
Перейти шоссе не
шутка.
Светофор стоит тут.
Кр-ря!
Он горит совсем не
зря.
Важный слушайте
совет:
Ни шагика на
красный свет.
Стой и свет зеленый
жди,
На зеленый свет иди.
-Га-га-га! -гогочет
гусь, -
А я под красным
пробежусь!
- Ой! - Лежит на
мостовой.
Сбит, но вроде бы
живой...
Строго смотрит
свысока
Светофор на гусака.

УТРОМ МИНУС СОРОК ПЯТЬ

Снег вихрит.
Белым-бело.
Все дороги замело.
Над домами даже
дым
От мороза стал
седым.
Утром минус сорок
пять -
Не учиться нам
опять.
С папой в рейс
уехать мне бы,
Я давно с ним в
рейсе не был.

Знаю, трудно КраЗ
вести,
Если буря зло
свистит,
Если люты холода,
Если скользко из-за
льда,

Если жгут шальные
ветры,
Если фар не видно в
метре...
Утром минус сорок
пять -
Не учиться нам
опять.
- Пап, возьми меня с
собой, выдержу
мороз любой...



Взлет. Фото В.Алауткина

Отпуск я проводил у своих
родителей в городе моего дет-
ства. Беззаботно отдыхал, меч-
тательно валяясь на раскла-
душке посреди небольшого
живописного дворика. обса-
женного живой изгородью из
топольков и березок...

Но однажды ленивый мой
покой потревожил хриплый
гудок летковухи. Я понял,
что на своем стареньком «Моск-
виче» приехал мой школь-
ный товарищ - ныне почитае-
мый в городе дантист - Юрий
Михайлович Мишин.

- Рванем на рыбалку! -
воскликнул он и, азартно за-
блестев глазами, начал торпо-
ливо объяснять, какая будет
клевая рыбалка, где река впа-
дает в Большое озеро, где об-
разуется бурная протока, в
которую рыба прет, как су-
машедшая. - Там и поставим
сети! - радостно прокричал
мой друг и размашисто вытер
со лба пот.

Мы собрались, и «Москви-
ченок» довел нас до «злач-
ного места». Юрий Михайло-
вич сноровисто раскидывал
снасти. Добросовестно помо-
гая ему, лавируя на быстрине,
я удерживал на плаву юркую
лодочку. Через час мы сидели
на берегу и со смаком курили
махру. Я любовался полновод-
ной рекой, серебристым ее
разливом, прислушивался к
таинственному разноголосью
окрути.

Друг же мой волновался,
оглядывался по сторонам, час-
то затыкивался сдким дымком.
Да и было отчего поворачивать-
ся: во-первых, в период разли-
ва здесь запрещено ловить рыбу
сетями, во-вторых, бурное те-
чение волокло массу бросового

леса, хлама всякого, что могло
изорвать сети...

С началом сумерек поя-
вился первый улов. Польвдра
крупных карасей. Мы развели
костер и начали варить уху. И
вскоре, довольные рыбалкой,
разлили по мискам пахучую
уху, по кружкам - «Столич-
ную».

Внезапный шум на берегу
заставил нас отвезаться от при-
ятного и оглянуться - к наше-
му биваку неторопливо при-
ближался незнакомец. При

БРАКОНЬЕР

свете костра он показался нам
гигантом, загоревшим небо.
Когда подошел ближе, мы раз-
личили за ним ферменную фу-
ражку с кокардой и короткую
брезентовую куртку. Незнако-
мец весело улыбнулся, словно
встретил старых знакомых.

- Вечер добрый, граждане!
- с мягким амурским акцентом
произнес он, поклонившись по-
крестьянски, и сдвинул на за-
тылок фуражку.

- Здравствуйте, - неуверенно
отозвались мы.

- Старший инспектор ра-
бохраны Емельянов, - козыр-
нул. Жест этот и слова его
вовсе смущали нас, мы упали
духом.

- Сеточки-то ваши? -
улыбчиво спросил он и присел
рядом со мной, в аккурат на-
против Юрия Михайловича.

- Наши, чьи еще... - уду-
ченно ответил мой друг.

- А ловить-то запрещено,
граждане... - раздумчиво про-
изнес инспектор и смущенно,
как мне показалось, склонился
над костром, словно это он
был в чем виноват.

Мы промолчали.

- Значится так... Две сеточ-
ки - те, что ближе к протоке, я
снял, - он помедлил, перекиды-
вая из-за спины на колено пол-
свую сумку. - Ну, а в двух
других брезвнышки запутались.
Так что вы с ними по утру сами
разберетесь. А теперь, - про-

должал он голосом, полным
сочувствия, - оформим доку-
менты, как, значит, полагают-
ся...

- Что уж вы так-то, това-
рищу инспектор... Ну, сети, хрен
с ними, забрали и поделом нам.
Так, может, на этом и разо-
йдемся с миром? Все же мы
люди-человечи! - пробовал уго-
ворить инспектора мой друг.

- Не, мужики, дело горя-
док любит, - ответил Емель-
янов.

- Товарищу?.. - попытался
было я в свою очередь обра-
титься к инспектору. - Люди
мы взрослые... может быть,
поймем друг друга без этих
документов?

Глянув на его лицо, я про-
клинал в душе и себя, и друга
своего с его затеей, и все на
свете. Блеститель порядка об-
ратился ко мне:

- А ежели взрослые, граж-

дане, то тем более должны поря-
док понимать и соблюдать, - гла-
за его лукаво блестя в ярком
свете разгоревшего костра. -
Да вы не волнуйтесь, граждане, я
с вас самую малость, четвертную
на двоих, итого по двенадцать
пятдесят с каждого.

- Да разве в этом дело... -
промямлил мой друг-дантист.

Составив акт, инспектор
предложил нам расписаться. За-
тем аккуратно сложил бумаги и
сунул их в сумку. Отойдя к кача-
ющейся на волнах лодке-мотор-
ке, которую мы только что раз-
глядели в темноте (видимо, ин-
спектор подплывал к нам на вес-
лах), он вскоре вернулся и бро-
сил в траву трех здоровенных
карасей. Таких я, пожалуй, видел
впервые, хоть и вырос в этих
краях.

- Это вам, граждане, на утру.
Хорошо с похмелом... Да и что бы
зла не таяли! - и растворился в
темноте.

Утром я проснулся рано,
вылез из палатки и пошепел к
реке ополоснуться. Глянув перед
собой, обомлел - рядом с потух-
шим костром, аккуратно сло-
женные, лежали все наши сети.
Тут же стояло ведро, наполнен-
ное свежими карасями. В траве,
под сухим булыжником, лежал...
журнал. Я подошел ближе. С
раскрытой страницы на меня
смотрел мой собственный порт-
рет-рядом с напечатанным круп-
ным шрифтом названием моего
рассказа «Браконьеры». На сво-
бодном пространстве страницы
было написано от руки: «Спаси-
бо. Ст. инспектор р/о Емель-
янов». А внутри журнала лежали
акты.

Я глянул на реку. Вокруг
никого не было...

Валентин КРЫЛОВ

Экран «ТЛ» Экран «ТЛ»

Демократ - в эсенговском пространстве слово
ругательное.

Куда делся младший научный сотрудник Бурбулис?
Ответ: ну вот не знаем, не знае-м!

Е.Б.Н., уходи на... (Надпись на фасаде одного
свердловского здания).

С трудом родившийся в годовщину августовского
«путча» малыш мужского пола назван демократическим
именем Собздик (т. е. Собчак защитник демократии).

Популярно имя Енатан (Ельцин на танке).

Шумейко бояливо шумит.

В Ханты-Мансийске не так давно отшумел праздник
великого угро-финского народа. Выпито энное количество
огненной воды, подпаден банкетный зал, русские названы

- оккупантами.

Старовойкова.

Один мужик из деревни Чебаки приватизировал вины.

Другой мужик из вышеназванной деревни восстановил
на своем подворье Советскую власть.

Где-то опять растет рейтинг.

Открытие Коха: оказывается, Маркс-Энгельс - это два
человека!

Учредители «ТЛ»: Тюменская областная писательская орга-
низация, Тюменская ассоциация литераторов (ТАА).

Издатели: Тюменская ассоциация литераторов, Угрю-Ямаль-
ская писательская организация, областное общество Русской
культуры, комитет по делам национальностей администрации
области.

Газета зарегистрирована при Министерстве печати и массовой
информации РСФСР. 29.10.1991г. Регистрационное свидетельство
№1248

Главный редактор Николай ДЕНИСОВ

Редакция: Валентин КРЫЛОВ, Александр МИЩЕНКО,
Юрий НАДТОЧИЙ, Андрей ТАРХАНОВ, Николай ФРО-
ЛОВ, Сергей ШУМСКИЙ.

Макет и оформление Александра ШЕСТАКОВА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторских
материалов

Наш адрес: 625002 г.Тюмень, ул.Осипенко, 19. Дом литерато-
ров, редакция «ТЛ». Телефон 26-76-25, 26-55-72